

Вселенная на ладони

МИРЫ ТЕМНЫХ ЭПОХ

Дионисий Шервуд

Дионисий Шервуд

Миры темных эпох

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69792571

SelfPub; 2024

Аннотация

Тери-Дион – молодой и неопытный юноша, рожденный в мире средневековья на далекой, затерянной планете. Он не знает о существовании других миров и цивилизаций, но его судьба готовит ему невероятные приключения и испытания. Судьба переносит Тери-Диона на другой край вселенной, где он встречает новые расы, открывает для себя удивительные знания и сталкивается с опасными врагами. С каждым новым испытанием, Тери-Дион становится мудрее, сильнее и опытнее, приобретая новые навыки и умения. Книга “Миры темных эпох” – это захватывающий роман о фантастических мирах, путешествиях во времени и пространстве, сражениях и интригах. Она объединяет в себе элементы фэнтези и научной фантастики, создавая уникальный и неповторимый мир, полный тайн и загадок. Эта книга придется по вкусу всем любителям приключений и фантастики. Она увлечет читателей своими непредсказуемыми сюжетными поворотами, яркими персонажами и невероятными событиями

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	49
Глава 4	75
Глава 5	93
Глава 6	116
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Дионисий Шервуд

Миры темных эпох

Пролог

В жизни каждого человека наступает момент, когда он должен сесть в мягкое кресло и взглядеться в полутьму комнаты. Если это сделать вовремя, то память и разум подтолкнут взять в руки перо, ручку, диктофон или иной предмет, соответствующий эпохе. Именно так творятся самые совершенные и искренние истории человечества. В такой момент человек не сможет ни солгать, ни умолчать о себе, о тех, кто окружал его, о друзьях и врагах.

Я – Тери-Дион Балион, начинаю свою собственную историю. Я – человек, волею судеб, прошедший сквозь эпохи, сквозь пространство и время.

Услышав подобное, сторонний человек-оптимист подумал бы, что я изобрел машину времени, скептик, скорее всего, уверял бы всех, что я сошел с ума. Какой-нибудь ученый муж своими формулами попытался бы доказать верность или неверность моих заверений, но истинность моих слов могут доказать только люди, бывшие рядом со мной все эти годы. Хоть это и крайне трудно в физическом мире, но я, своей памятью и пером, вновь соберу их всех вместе со

всех концов Вселенной.

Глава 1

– А вот здесь нас точно не бывало! – во всю глотку крикнул пошатывающийся Дракс и ткнул пальцем в глубокий дверной проем. Горящий фитиль за мутным стеклом масляной лампы неясно высветил затертую временем и нечистыми руками надпись на деревяшке у входа в заведение: "Кот и хвост".

– Судя по названию, ничем хорошим здесь не угостят! – с брезгливостью заявил Настис и с высоты своих двух с лишним метров и громко икнул на всю улицу, которая тесно и негостеприимно окружила нашу компанию каменными стенами домов, вплотную приткнувшихся друг к другу серыми боками.

Дверь кабака резко распахнулась. В желтоватой полоске света проявилась широкая фигура слегка раскачивая руками, свисавшими до колен. Сделав еще пару шагов вперед, фигура приняла очертания лысого детины, уставившегося на нас мутными, как у позавчерашней рыбы, глазами. Ничего не говоря, он отошел в сторону и приглашающе махнул рукой по направлению ко входу питейного заведения.

Дракс тряхнул головой и заплетающейся походкой пошел на огонек. Я тяжело вздохнул, предчувствуя неприятности, хлопнул Настиса по плечу и последовал за другом. Нырнув в широкий дверной проем, я оказался в просторном поме-

щении с низким потолком, которое оказалось тесно заставленным разносортными столами, стульями и скамейками. Воздух в кабаке, по традициям заведений подобного рода и уровня, был насыщен запахами разлитого по полу и стенам пива, вонючим дымом каких-то благовоний и человеческим потом. Я сморщил нос, но с упорством, достойным звания настоящего товарища, проследовал в центр зала к гордо сидящему за круглым столом Драксу.

– Лучшего пошла мне и моим друзьям! – чуть визгливо проорал Дракс и его рука взметнулась вверх, призывая внимание кабатчика, стоявшего за невысокой деревянной стойкой и медленно протиравшего несвежим полотенцем глиняные кружки.

Бросив быстрый и, как показалось моим, уже изрядно замутненным алкоголем, глазам, презрительный взгляд, он кивнул головой и полез куда-то под стойку.

– Представляю, какая гадость тут на лучшее, – проворчал я и снова наморщил нос.

Вроде бы уже привычный ко всему, что предоставлял для развлечения этот город, я отчаянно возжелал достать надушенный платок и дышать исключительно через него.

– А нам нальешь? – раздалось из-за соседнего стола, – или мы рожам не вышли пить с такими?

За прямоугольным столом оказалась компания из примерно шестерых-семерых непринятнейших типов неопределяемого на глаз возраста из-за их мешковатых, давно не

стиранных, одежду и спутанных сальных волос на головах и подбородках, годами не знавших острой бритвы. Они глядели на нас словно охотники на добычу, совершенно не скрывая намерений затеять ссору.

– С такими... это какими? – спросил Дракс, явно сильно перебравший и не чувствовавший опасности.

– С невысокородными! – сказал один из этих семерых, что сидел по центру стола.

Он поднялся, опершись на грубую столешницу ладонями, и глядел на нас с дикой ненавистью потемневшими до черноты глазами.

– С такой свиньей мы точно пить не будем, – не глядя ответил Дракс и тут же раздался громкий стук падающих табуретов и скамеек.

Все семеро подскочили и быстро направились к нашему столу сжав кулаки и глядя исподлобья.

Дракс соизволил развернуться на громкий звук падающей мебели и его лицо стало бледнеть, а пьяный гонор предпочел тихо испаряться вместе алкогольными парами. Дракс никогда не был особым смельчаком, а сегодняшняя храбрость перелилась в его душу исключительно из винных кружек.

– Нарвались таки на неприятности, – промолвил Настис и с тоской взглянул на приблизившихся молодчиков.

Не поняв толком, что нужно было бы предпринять прямо сейчас, я поднялся со стула и развел руки в примирительном жесте, но не успел и слова промолвить, как мощный удар в

челюсть свалил меня на пол. Перед глазами поплыло и, к моему ужасу, вдруг захотелось заплакать от обиды и охватившей меня беспомощности. Надо мною закутились тела, чья то нога больно врезалась мне в ребра, потом еще и наступили как на коврик о который вытирают ноги. Не помня себя, я извернулся и пополз к выходу, во всю стараясь подняться на ноги, и как только мне это удалось стремительно вылетел в темноту улицы. Мне неодолимо захотелось помчаться прочь от этого места не оглядываясь, но, содрогнувшись от собственной трусости, заставил себя остановиться и развернуться в сторону распахнутой двери злачного заведения. Я колебался – входить... не входить. Но тут судьба все решила за меня. С шумом и воем сквозь неширокие двери протиснулся клубок тел из которого практически одновременно вылетели мои изрядно помятые друзья.

– Бежим! – крикнули они в один голос и, схватив за рукава куртки, потащили меня куда глаза глядят.

Промчавшись несколько кварталов мы остановились и в изнеможении привалились к холодной каменной стене какого-то дома.

– Оторвались вроде, – прошептал Настис тяжело дыша и вытирая кровь с щеки, – тебя, Дион, похоже, эти мерзавцы первым вынесли наружу? Ты молодец! Если бы не этот подлый удар – надавали бы мы им!

– Молодец, Дион, – повторил за Настисом Дракс, – я вот от страха к стулу прирос, а ты один встал этой толпе на-

встречу, словно герой древних легенд!

Я пытался уловить в их словах упреки и намеки на сарказм, но было похоже, что они искренне восхищались мной и в кутерьме драки не заметили моего трусливого побега. Волна стыда пробежалась по моим внутренностям и воспламенила щеки. И надо было бы сказать спасибо ночной тьме, что не дала разглядеть друзьям мое истинное состояние.

Умыв лица и руки у ближней сточной бочки мы огляделись, стараясь определить в какой квартал нас занесло, и с облегчением поняли, что ноги, по их собственной инициативе, понесли тела в нужную сторону и наши убежища располагались не так уж и далеко отсюда. Пожав друг другу руки и обнявшись, мы молча разошлись.

Быстро и широко шагая, часто оглядываясь на ходу, я почти подбежал к своему дому. Стараясь не шуметь дверьми и легче шагать по старой скрипучей лестнице, я поднялся в свою комнату. И лишь только скинув сапоги и куртку с широким ремнем, рухнул на постель и провалился в глубокий сон с надеждой там вылечить свое задетое самолюбие и щемящую тоску. Едва мои веки сомкнулись, душа моя ушла в совершенно другой мир, который был лишь моим и ничьим более.

Упругими тонкими пальцами ветер мягко зарылся в мои длинные волосы. Игриво пощекотав шею и щеки, пригласил поиграть в пятнашки как расшалившийся приятель. Покрутившись легким вихрем вокруг меня, он полетел вперед,

поднимая широкие волны спелой пшеницы и играя тонкими гибкими стволами молодых деревьев, редко поросших по краям полей. Свободный и легкий, он понесется дальше, далеко на север, пока не удариться в крутые бока Великого Хребта, чьи вершины вечно покрыты чистым снегом. Может ветер растечется по острым камням и, раздвоившись, побежит воздушными потоками вдоль скал на восток и запад, поднимая пыль на редких горных тропках и нешироких дорогах, круто взбирающихся к пограничным башням и заставам. Промчавшись вдоль каменных массивов весь день и всю ночь не жалея сил, крепкий ветер вырвется на просторы Тихого моря и, вдоволь поиграв солеными брызгами, промчавшись у морских берегов, минуя прибрежные большие и малые города, вновь сольется в один прозрачный поток над сверкающими медью крышами столицы империи. Погнав по длинным волнам белых барашков, ветер понесется, набравшись сил и возмужав, к неведомым южным землям, где на каждой прибрежной скале стоит крепость, а вдоль берега высятся неприступные рукотворные стены.

Этого я никогда не видел воочию, слышал лишь пересказы стариков, а остальное дорисовывало мне воображение ребенка шести лет от роду.

– Дион! Сынок!

Ласковый голос мамы повернул мою голову. Я улыбнулся и помахал, высоко задрав руку и привстав на цыпочки. Пристально глядя на меня, мама улыбалась мягко и чуть пе-

чально. Стоявший рядом с ней мой отец, высокий и мускулистый, обнял ее за плечи и помахал мне в ответ широкой ладонью воина.

Сверху между нами непрощено упала серая прозрачная шаль, сделав фигуры родителей расплывчатыми и скрывая тонкие черты родных лиц.

– Мама! Отец!

Я протянул к ним руки и попытался побежать, но с трудом смог сделать лишь пару шагов. Ткань между нами становилась все плотнее, постепенно закрывая от меня тот мир, где остались мои родители.

Страшное отчаяние одиночества душило меня выплескиваясь наружу теплыми ручейками слез.

– Ничего не бойся, Тери-Дион! – прозвучал сильный голос отца, – надежда и вера – вот твоя сила! Сила, которая никогда не уйдет от тебя, будь ты хоть даже старым или больным! Такую силу от тебя никто не отнимет!

– Береги себя, сынок! – добежал до меня нежный голос матери.

Всего три слова, но сколько устремленной ко мне любви! Фигуры размылись, почти пропали и превратились в два сияющих золотистых облачка. Они взмыли стремительно вверх к воротам меж белых облаков и где-то там пропали. Я замер, сложил ладони на груди и, пристально глядя вверх, ожидал, что вот сейчас отдернется эта завеса и я снова увижу любимые лица.

Земля вдруг затряслась и раздвинулась. Раздался грохот гигантских барабанов и я полетел спиной вниз, раскинув широко руки и обреченно ожидая удара, безмолвный и бессильный что-либо сделать.

– Дион! Подъем лежебока!

Я сдернул с себя тонкое шерстяное одеяло и рывком сел на жесткую тахту, не дожидаясь, когда на лицо полетится струя холодной воды.

Мой слуга, старый вояка Артос, в данный момент громко стучавший кулаком в обшарпанную деревянную дверь моей комнаты, сызмальства приучил меня к молниеносному подъему, когда работает одно лишь тело, а голова все еще находится в королевстве снов.

Курсантам-выпускникам Императорской военной академии по уставу уже позволялось жить не в казарме, а на съемных квартирах вместе со слугами. Это приближало нас к статусу состоявшихся командиров. Точнее – почти состоявшихся. Все это позволило Артосу вернуться к моему воспитанию, чему я был иногда очень даже рад.

Денежного содержания едва хватало на две комнатки в мансарде ветхого дома на далекой от престижности восточной окраине огромного столичного Мертогра – города, испещренного многочисленными улочками, укрытых даже солнечным днем серым полумраком тени от тесно стоявших каменных домов. Недалеко от моего пристанища поселилось несколько друзей по академии, с вечно пустыми карманами,

но всегда чудесным образом наскребавших мелочь на кружку местного пойла. Самыми верными были Настис и Дракс – такие же как и я молодые парни, отцы которых верно служили во имя Империи и особо отличились на полях битв и сражений, там же и полегшие в сиянии славы Империи.

С трудом продрал глаза, сонно покачиваясь на краю тахты, я поглядел прямо перед собой. На мутном стекле окна едва-едва проклюнулась красноватая точка отблеска рассвета.

– Артос, почему так рано? – хрипло прошептал я, а голову снова потянуло в сторону призывно манящей подушки.

– Эх, Дион, мальчик мой! Ты в своих увеселительных вечерних прогулках по городу, совсем память растерял! Сегодня из южных земель прибывает Большое посольство. На девять утра назначено всевойсковое построение на Портовой площади. Вспомнил?

Артос слегка вперевалочку передвигался по комнате короткими шагами и, не переставая громко ворчать, от огарка поджигал расставленные его хозяйственной рукой свечи, так что в моей тесной комнатушке становилось светло и даже чуть теплее.

Точно! – громко бумкнуло у меня в голове – Построение! Торжественный парад, встреча заморских гостей и после переговоров дипломатов с обеих сторон, по большому счету формальных, как уверяли знающие люди, состоится крупнейший за последние сто лет военный поход за Хребет все-

го Имперского войска! Причем в союзе с новыми южными друзьями.

Мощь подобной армии трудно было даже вообразить простому обывателю. Уже как месяц только про это всё громче и громче шепчутся во всех тавернах, трактирах, кабачках и харчевнях.

Наши герцоги и графы тоже не сидят без дела, а уже делят между собой куски новых земель, и про это я точно достоверно знал от их младших сыновей, которые обучались в нашей Академии.

Все еще с усилием фокусируя зрение, я обвел глазами свою, не отягощенную излишком мебели, комнатку – лишь кровать, маленький кривой стол для занятий и пара табуретов, на одном из которых уже стоял большой медный таз для умывания, а кувшин с водой призывно покачивался в крепких кряжистых руках слуги.

Артос был ниже меня на полторы головы, но в плечах шире раза в два. Не смотря на уже преклонный возраст, Артос был настолько могуч, что подковы, гнувшиеся в его руках, казались просто толстыми кусками кожи. Длинные темно-рыжие волосы без единого вкрапления седины, как обычно были стянуты на затылке в тугий пучок толстым кожаным шнуром. Такого же цвета густая борода опрятно располагалась на выпуклой мощной груди закрывая ее до середины. На лице борода сливалась единым монолитом с усами, над которыми гордо навис широкий мясистый нос со следа-

ми неоднократных переломов. Красивым в этом лице можно было назвать лишь темно-зеленые глаза, которые поблескивали под защитой крепких, как горные хребты, надбровных дуг и кустистых бровей.

– Артос, ты вообще спишь когда-нибудь? – промямлил я еле ворочая опущим языком.

Мало того, что он выглядел в такую рань невероятно опрятно и бодро, так уже и был во всеоружии – кольчуга почти до колен с разрезами по бокам, сапоги грубой кожи на толстенной подошве. На перевязи висел его меч, широкий и короткий, таким, при определенной сноровке, и дрова можно было бы порубить. Вообще вся эта амуниция вышла из употребления с десятков лет назад, если не больше, и стала символом грубятины и отсталости.

– Не волнуйся – сплю! И даже больше чем положено. Этот город слишком изнеживает человека и воин здесь превращается в отвратительного щеголя и тряпку!

– Это камень в мой огород? – подошел я к нему пошатываясь.

Струи холодной воды потекли на мои ладони и я размазал влагу по лицу.

– Это не камень, это булыжник, – проворчал Артос себе в усы, и еще тише добавил, – отец твой другим был.

– Каким? – удивился я, – Ты же всегда говорил, что мы с отцом очень похожи?

Старик еще несколько раз плеснул мне воды в сложенные

ладошки. Затем я с удовольствием подставил под струю шею и бодрящий холодный ручеек растекся по спине и затылку, потек по лицу, попадая в глаза и нос, заставляя меня фыркать и отплевываться. Постепенно свежесть проникла через все мельчайшие клеточки кожи и оживила меня. В голове наконец-то прояснилось и я был готов прожить еще один день.

– Так каким был мой отец? С чего это мы вдруг стали с ним не похожи с сегодняшнего дня?

Артос подал мне свежее полотенце и неспешно присел на свободный табурет, который тут же принялся со скрипом молить о пощаде.

– Внешне – ты сущий слепок со своего отца. У тебя его глаза, фигура, сила и стать. Тут не поспоришь, всякий, кто знает род Балионов, тут же определит твою породу, но... – Артос положил ладони на колени и опустил голову.

– Что, но? – спросил я, не сумев совладать с приливом раздражительности. – Нет ничего хуже твоих "но"!

Память об отце всегда вызывала во мне гордость и уважение. Он погиб когда мне не исполнилось еще и семи лет от роду и я с большим трудом мог вспомнить что-либо связанное с ним, но наш большой замок был полон рассказов и легенд о подвигах моего отца и его воинов. Поговаривали, что людей в свой отряд отец набирал лично, по только ему известным меркам и лекалам. Одним из его людей и был Артос, ставший для меня нянькой и воспитателем вскоре после гибели отца.

– Твой отец соблюдал правила, – медленно и чеканно произнес Артос, – каждый день, всю свою жизнь – одни и те же правила.

Я подошел к аккуратно разложенной на столе одежде и, пока натягивал форменные брюки и тонкую хлопковую рубашку, с еще большим раздражением возразил Артосу:

– Какие еще правила? Мой отец разве не был свободным человеком? Кто мог ему диктовать какие-то правила? Даже на войне он руководил своим собственным отрядом и подчинялся лишь приказам нашего Императора. Разве не так?

– И, тем не менее, у твоего отца были правила которые он принял сам, добровольно. Или ты перестал мне верить? – Артос пружинисто поднялся с табурета. – Завершай с одеждой, а я спущусь вниз и принесу перекусить для тебя.

– Только для меня?! – негромко воскликнул я, плюхнувшись на кровать и натягивая сапог, – А как же ты?

– Что я? – промолвил старик, открывая дверь, – я все сделал и уже ко всему готов. А ты еще нет, – сказал он после недолгой паузы и на мгновение повернул голову в мою сторону. Мне даже показалось, что в его глазах блеснула влага.

Дверь закрылась и послышалось глухое бумканье грубых подошв по ступеням.

"Конечно показалось! Разве такой воин может проронить хоть слезинку?" – ворочалось в моей голове пока я пыхтя боролся с узкими голенищами. Закончив это нелегкое дело, я встал и прошел к окну. Красного цвета снаружи значительно

прибавилось и за стеклом чернота с неторопливой легкостью уступало место всем оттенкам серого. Вроде бы и ночи уже нет, но и утро не торопится.

"А может его просто не видно из-за нагромождения этих камней, называемых домами?" – вдруг медленным облаком проплыло в голове.

"Ого, любезный, да вы философом становитесь!" – ответил я своим собственным мыслям.

Мотнув головой, вытряхивая из нее вдруг набежавшие из ниоткуда меланхоличные размышления, надел лежавший на столе кожаный поддоспешник и стал затягивать его шнурами на боку. Не смотря на мои протесты, доспехи Артос хранил у себя в камерке, расположенной стена в стену с моей комнатой. Там же он их чистил и приводил в порядок.

Наконец, скрипнула дверь и в комнату боком ввалился Артос с огромным подносом в руках. В ноздри, не спрашивая разрешения, ударил аппетитнейший запах только что приготовленных на хорошо промасленной сковороде утиных ножек, усыпанных специями, и вареного картофеля, сдобренного почти свежей зеленью. Все это богатство, вместе с кувшином разбавленного водой вина, Артос взгромоздил на уже очищенный от одежды стол. Я сглотнул слюну и схватил табурет и застыл по стойке смирно, чтоб тут же, как только Артос закончит с расстановкой тарелок, присесть к столу и начать набивать желудок, уже завывавший от проснувшегося голода.

– Ты пока ешь, а я за доспехами, – сказал Артос, наливая в мою кружку почти до самого края прозрачную светло-рубиновую жидкость.

Я, мыча сквозь набитый рот, покивал и застучал потемневшей от старости серебряной ложкой по неглубокой, широкой тарелке с картофелем, держа жирную утиную ножку в другой руке и откусывая от нее большие сочные куски. Довольно быстро опустошив тарелки, я откинулся от стола, отер полотенцем жирные потеки с лица и рук, и стал медленно попивать из кружки чуть терпкий напиток. Сытым взглядом прошелся по тесным стенам комнатушки. Едва тронутые штукатуркой скругленные по углам бока строительных камней теперь стали не такими уж сырыми и мрачными, как иногда мне казались. Глаза остановились на уже заправленной кровати.

"И как он все успевает", – подумал я уже тысячный раз за свою короткую жизнь и камнем замер увидев поверх одеяла небольшой свиток.

Я поднялся с табурета и крадучись подошел к кровати, чуть помедлил оглядываясь, словно вор, и протянул руку к свитку. Он оказался плотным и увесистым. Колебался я не долго и развернул серую от времени, но очень чистую бумагу, словно свиток изначально хранился бережно и с любовью. Буквы складывались вроде бы в знакомые слова, но они были написаны задолго до моего рождения, возможно так могли выражаться мои деды или даже прадеды.

"Есть два пути: один – жизни, другой – смерти, и велико различие между этими двумя путями.

Путь жизни таков: во-первых, ты возлюбишь Бога, создавшего тебя. Во-вторых, возлюбишь ближнего, как самого себя. И всего того, чего не желаешь, чтобы случилось с тобой, не делай другому.

Смысл учения, заключенного в этих словах, таков: благословляйте проклинающих вас, молитесь за врагов ваших и за гонящих вас. Ибо какое благоволение вы оказываете, если любящих вас любите? Не делают ли того же и язычники? Вы же любите ненавидящих вас – и не будете иметь врагов.

Воздерживайся от плотских и мирских похотей. Если кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую, и будешь совершенным..."

– Чушь какая! – громко воскликнул я оторопев от прочитанного.

Я протер рукавом возле глаз, будто бы это могло изменить прочитанное, и пробежался по тексту еще раз более внимательно, уверяя самого себя, что я просто не отошел еще от сна, из-за чего у меня перед глазами все буквы поменялись местами.

В этот момент дверь в комнату широко распахнулась и Артос вошел с моим доспехом. Его взгляд скользнул по кровати и сразу перескочил на свиток в моих руках.

– Артос, откуда взялась эта философская чушь в моей комнате! – грозно потряс я в воздухе свитком, – это ведь ты

подкинул?

– Да, я, – спокойно ответил старик и подойдя к кровати аккуратно положил на нее железо, что было в его рука, а после стал с медлительной аккуратностью раскладывать половинки кирасы, шлем, наручи и поножи.

– Объясни, что за вселенская несуразность здесь написана? Это что за дурак смог додуматься любить врагов? Да еще и учить кого-то подобной дури? А это предложение подставить другую щеку под удар? Да он просто сумасшедший, этот твой писатель! Ты же сам учил меня убивать врагов мечом и копьем. Ты учил меня метать дротики и пользоваться пращей и арбалетом. Разве не для убийства предназначены эти умения? – с каждым словом своего длинного монолога я внутренне возгорался и ярился как разнузданный конь.

– Я разве убивать тебя учил? – бесстрастно ответил вопросом Артос не оборачиваясь в мою сторону и по-прежнему склоняясь над моими доспехами, – я всего лишь учил тебя пользоваться оружием, но убивать – нет, никогда такого не было.

– Но признайся, что в этом свитке ерунда полная написана? Какой блаженный это мог сочинить? И, главное, для кого это все изложено? – сказал я уже на тон ниже.

Признаться, в этот момент я более всего недоумевал от возникшего как молния вопроса – от чего этот свиток вызвал во мне такую ярость? Ни смех, ни снисхождение, ни какая-либо присущая мне реакция от прочтения чего-то непо-

нятного, а именно ярость!

Спина старого воина медленно разогнулась, и он обернулся ко мне.

– А это и есть правила твоего отца, – с легкой усмешкой сказал он, – ты ведь не прочитал до конца?

– Нет... – прошептал я пораженный этой новостью пришедшей от Артоса и медленно опустился на табурет, – не может этого быть.

Артос не торопясь подошел ко мне и легко провел шершавой мозолистой рукой по моей коротко стриженной макушке.

– Твой отец, Дион, никогда не расставался с этим свитком, и велел мне передать его тебе тогда, когда, по-моему мнению, наступит время. Так было и так есть!

Он подошел к столу и сгреб на поднос грязную посуду, поставив подсвечник на освободившееся место, и двинулся с подносом к двери. Отворив ее, он обернулся ко мне с явной тревогой в глазах.

– Времени мало, но еще немного осталось, а потому не растрать его даром! Читай, мой мальчик, читай.

Я поднял голову и взглянул на человека так давно и хорошо знакомого с детства.

– Но, Артос... – тихо промолвил я, и все мои возражения застряли в горле, – ты... ты точно поел?

Он широко улыбнулся. В родных зеленых глазах мелькнуло такое тепло, что можно было бы согреть весь этот про-

мозгший за ночь город. Артос кивнул головой и вышел. Я теребил в руках свиток, боясь снова развернуть его и узнать еще какую-нибудь страшную тайну которая принесет мне разочарование по отношении к тому, кого я боготворил всю свою жизнь. Но руки по собственной воле развернули свиток и глаза побежали по буквам:

"...если кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Если кто возьмет верхнюю одежду, отдай ему и нижнюю. Если кто взял у тебя твое, не требуй назад..."

– Ну если Артос например попросит, или Дракс с Настисом, мы ведь друзья неразлучные уже почти восемь лет... конечно все отдам и пойду с ними хоть за Великий Хребет! Ну, а если кто-то чужой будет, да еще если он вор и мошенник? Мда... как все непонятно... – прошептал я себе под нос.

"Всякому просящему у тебя давай и не требуй назад, ибо Отец желает, чтобы всем было даруемо от Его благодатных даров. Блажен дающий по заповеди, ибо он безукоризненный. Горе же тому, кто берет, ибо если берет, имея нужду, то он неповинен, но если не имея нужды берет, до даст отчет, почему и для чего брал. Оказавшись в темнице, он будет допрошен о своих деяниях и не выйдет оттуда до тех пор, пока не отдаст последней монеты."

– Что ж, вот тут уже кое-что понятно – вор и мошенник должен сидеть в тюрьме. Только получается, что блаженным быть хорошо и даже почетно? – недоуменно спросил я непонятно кого, – Все время полагал, что это слово вроде руга-

тельства! Так, чего там дальше...

Я развернул свиток шире.

"Не убивай, не прелюбодействуй, не растлевай детей, не развратничай, не кради, не занимайся колдовством и чародейством..."

Я настолько углубился в чтение свитка, что потерял счет времени и вздрогнул от скрипа двери. Артос с интересом взглянул на меня. В уголках его глаз углубились морщины, показавшие, что он незаметно улыбнулся в глубине своей рыжей бороды.

– Пора облачатся! – громко сказал он, – а свечи надо экономить, мы не так богаты.

И действительно! Солнце поднялось над крышами домов и его лучи по-весеннему весело пробежали по моей комнатке – один из немногочисленных плюсов дешевых комнат на верхних этажах. Затушив свечи, Артос подошел к кровати и стал в очередной раз проверять железо моих доспехов.

– Прочитал? – как бы мимоходом спросил он.

– Да. Кое-что я даже понял, но вопросов возникло очень много.

– Так и должно быть. Вопросы будут еще долго появляться, возможно даже всю жизнь, и нужно не лениться, а искать на них ответы. Хотя сейчас это трудное, а иногда и смертельно опасное дело, – к концу фразы голос Артоса скатился почти до шепота, так что мне изрядно пришлось напрячь слух.

– Ты же не считаешь меня трусом?

– Нет, мой мальчик, не считаю. Не в кого тебе быть трусом.

Он еще раз пробежался глазами по комнате и скомандовал:

– Вставай живо с табурета, нам еще до площади добираться. Я вчера договорился с хозяином одной таверны, недалеко от места построения, что бы наших лошадей у него пристроить, но боюсь, что пара лишних монет из ловких рук может изменить его обещание.

Я рывком поднялся, быстро шагнул к нему и развел руки в стороны, чтоб старому воину было удобнее нацеплять на меня кирасу. Замки легко защелкнулись со смачным звоном, и две половинки доспеха плотно прилегли к торсу.

Нацепляя на меня наплечники и наручи, Артос промолвил:

– Хоть что-нибудь вообще запомнил?

Я повернулся другим боком и вздохнув поглубже ответил по памяти:

– Не давай ложной клятвы, не лжесвидетельствуй, не злословь, не помни зла. Не будь двойственным ни в мысли, ни в слове. Слово твое да не будет лживым или пустым, но исполнено делом. Не будь корыстолюбивым, алчным, лицемерным, злонравным и надменным. Не питай ненависти ко всякому человеку, но одних обличай, за других молись, а иных возлюби больше души своей, – тут я снова набрал в легкие воздух и продолжил, – избегай всего дурного. Не будь гнев-

лив, ревнив, склонен к препирательствам и преисполненным ярости, ибо это ведет к убийству. Не будь похотлив, ибо похоть ведет к блуду, не будь сквернословом и человеком с нескромным взглядом, ибо из всего этого происходят прелюбодеяния. Не будь лжив, сребролюбив и тщеславен – из этого происходит воровство. Не будь склонным к ропоту, не будь строптивым и лукавомыслящим – из этого происходят богохульства. Будь кроток, долготерпелив, милостив, незлобив, мирен. Не превозносись и не предавай души своей дерзости. Пусть не прилепляется душа твоя к людям надменным, но общайся с праведными и смиренными, – протараторил я прочитанное из свитка словно войсковой устав, который заучивал в течении последних десяти лет, наравне с историей Империи и императорского рода, науки тактики и стратегии.

– Все приключаящиеся с тобой обстоятельства принимай как благие, зная, что без Бога ничего не бывает, – продолжил Артос, пока я переводил дух после своей тирады, – все, ты готов.

Артос обошел вокруг меня, похлопывая по железу на спине и груди, проверил как сидят доспехи и скептически хмыкнул:

– Как в таком воевать? Только для парада и годиться!

– Артос, твой взгляд на мир устарел! – ответил я с толикой радости, так как хотя бы в этой теме я почувствовал свое превосходство перед старым слугой.

– Эти доспехи сделаны на новых прессах и по самой совершенной технологии! Император закупил это за большие деньги у южан и все ради защиты своих солдат и повышения мощи войск!

– Это все ради великого похода за Великий Хребет, – проворчал старик, – я кстати нашел в твоём железе кое-что лишнее и убрал.

Прошедший под кожей головы холодок ошетинил мои волосы на затылке.

– И что же там было лишним? – с тихим изумлением прошептал я.

– Да пара круглых пластин изнутри кирасы. Одна на передней, другая на задней части.

– Артос! Это же дополнительная защита – чтоб ни один враг не достал никаким оружием до сердца!

– Парень! – повысил голос Артос, и очень строго взглянул снизу-вверх в мои глаза, – с каких это пор пара тонких медных пластин вдруг стали непробиваемые для меча, копья и стрелы? А именно из этого были сделаны эти штуковины, что я отодрал от твоего железа. Мнутся они в руках – словно глина гончарная.

Артос выразительно поднял ладонь и с силой сжал громадный кулак.

– Но нам именно так объясняли их необходимость, – растеряно пролепетал я. В эту форму одели почти все войско и назвали его непобедимым, а ведь лучшие люди империи во

главе с самим императором не могут ошибаться!

– Время покажет, что вы за воинство такое. Вперед! – командовал Артос и исчез за дверью.

Глава 2

Я подхватил стоящий в углу у кровати меч и прицепил его специальным кольцом на кирасу. И что ему не нравится в новой форме? Очень удобная, практичная и создает непередаваемое чувство защищенности. Я засеменял по крутой лестнице стуча жесткой подошвой по старым ступеням, стертými сотнями пар сапог, туфельек и еще не известно какой обувью. Быстро спустившись, я вылетел на улицу и вздохнул давно привычный воздух проснувшегося большого города вместе с запахом пекущихся булок из расположившейся недалеко пекарни, морского бриза и недостатков человеческого организма из ближайшей подворотни.

Раздалось цоканье железа по камню и из-за побитого угла дома появился Артос, ведущий в поводу наших лошадей – моего красавца Арго серой масти, стройного и поджарого, с постоянно подрагивающими ноздрями, и своего Хруста, низкого, коротконогого, но невероятно мощного и выносливого. наших коней можно было бы охарактеризовать лишь несколькими словами – копии своих хозяев.

Легко забравшись в седла, мы бок о бок поехали по узкой улице, где находился наш дом. Через один квартал мы повернули направо, выехав на гораздо более широкую, вымощенную серым булыжником, улицу, и направились напрямиком к портовой площади. Улицы были пока еще полупустые, но,

судя по крикам и возне внутри домов, многие были готовы двинуться в одном с нами направлении.

– И все-таки обилие вопросов осталось непонятным, – ко-
ржавым выражением прервал я молчание.

– Если в голове засело, то полдела уже сделано, а там Бог
поможет разобраться.

– Но согласишься – этот путь жизни очень странен! Мне ка-
жется, человеку невозможно соблюдать все эти правила и не
отходить от них хоть на полшага.

– Это очень тяжело, но все же возможно. По пути смерти
конечно идти легче и даже может показаться, что веселее, но
это именно путь к гибели и смерти окончательной.

– Ты можешь мне про него рассказать? Прости, я не успел
все прочитать.

Артос пару раз провел ладонью по бороде, опустив взгляд
и, словно читая возникающие перед ним прямо из воздуха
строчки видимой лишь ему книги, начал говорить так твер-
до и убежденно, будто каждым предложением заколачивал
гвоздь:

– Путь смерти таков: он лукав и преисполнен прокля-
тия. Здесь убийства, прелюбодеяния, похоти, разврат, воров-
ство, идолослужение, колдовство, чародейство, разбой, лже-
свидетельства, лицемерие, двойственность, коварство, над-
менность, подлость, самодовольство, жадность, скверносло-
вие, зависть, дерзость, высокомерие, хвастовство, отсутствие
страха Божия, – тут он сделал паузу, приподнял голову и

продолжил уже не так яростно, – по этому пути идут гонители людей благих, ненавистники истины, любители лжи, не ведающие воздаяния праведности, не прилепляющиеся ни к благу, ни к праведному суду, бодрствующие не ради добра, но ради зла. Далекие от кротости и терпения, они любят суету, гоняются за материальным воздаянием, не сострадают нищему, не трудятся за утружденного и не ведают Создателя своего. По этому пути идут детоубийцы, растлители творения Божьего, отворачивающиеся от нуждающегося, притеснители угнетенного, защитники богатых и незаконные судьи бедных, они суть закоренелые грешники. Берегитесь всех таких!

Пока он пересказывал мне это, я вдруг представил самого себя в роли носителя всех этих человеческих пороков и содрогнулся от омерзения.

Нет-нет, я не такой! И возможно ли таким отвратительным существам жить на этом прекрасном белом свете?! Разве я убивал? Нет. Воровал? Нет. Колдовал когда-нибудь? Нет конечно! Хотя... ходили мы к гадалке какой-то смеха ради, но это точно не считается. Сквернословил? А у какого мужчины не вылетит крепкое словцо время от времени, да при определенных обстоятельствах? Я не исключение, я же мужчина. Может жадничал? Ну, может чуть-чуть, совсем незаметно даже для себя. Завидовал? Вот уж точно нет! Кому завидовать?! Я лучший в академии из всех выпускников, уж если и завидовать кому-то, то мне.

Гордо выпрямившись в седле и воткнув свободную от поводьев руку в бок, я посматривал свысока на серые стены домов, узкие окна с распахнутыми ставнями и шляпы прохожих, семенивших по давно не умытой дождиком мостовой.

– Артос, что это за страх такой, Божий? – спросил я слегка спустившись с воображаемого пьедестала.

– Это единственный страх который должен сопутствовать жизни человека, – проговорил он, посматривая по сторонам, словно воин на сторожевой башне, – это сознательная боязнь нарушить заповеди Божии.

– Заповеди?

– Да. Про некоторые и самые главные ты уже прочитал.

– А что такое молитва?

– Однажды мне ответили на такой вопрос словами одного мудрого человека, – Артос вознес глаза вверх, будто выискивая нужные слова не только в своей памяти, но и на чистом от облаков голубом небе, и очень тихо произнес, – молитва – это ума и сердца к Богу возношение, это славословие и благодарение Богу, и испрашивание у Него потребных благ, душевных и телесных.

– А ты молитвы знаешь?

– Конечно, – хмыкнул Артос разглаживая сверху вниз усы и бороду, – могу одну и тебе рассказать, но только по большому секрету.

Он поманил меня пальцем и мне пришлось сильно склониться к нему сидя в седле и подставить ухо. Он шептал

мне тихо и таинственно, требуя полного напряжения моего слуха, произнеся незнакомое мне слово "аминь", он как бы невзначай плавно поднес собранную из пальцев щепотку ко лбу, потом опустил руку почти к поясу, поднял щепотку к правому плечу и затем к левому. Он покрутил головой, явно проверяя не подслушал ли кто нас и не подсмотрел ли кто его жеста.

– Это что-то вроде магии? – удивленно спросил я, припоминая о запрете в старом свитке на колдовство и волшеббу.

– Нет. Ничего общего с этим нечестивым занятием. Только учти – то, что я тебе рассказал, сейчас, в последний десяток лет, в империи негласно преследуется.

Тут я сам со страхом и подозрением стал вращать головой по сторонам, стараясь заглянуть даже себе за спину. Я ссутулился, словно став ниже ростом, и пожалел, что у меня нет шляпы с широкими полями, или хорошего капюшона, что скрывает половину лица от посторонних взглядов.

– Это запрещено Имперскими законами? – спросил я шепотом и голос мой чуть дрогнул как плохо настроенная струна.

– Не то чтоб явно запрещено, но почему-то все исповедующие прилюдно истинную веру неожиданно пропадают, а куда и каким образом – никому из простых смертных не известно, – так же осторожным шепотом промолвил Артос, – так что, Дион, будь осторожен, и если будешь когда молитву творить, то делай это тихо и лучше при закрытых дверях.

Кровь прилила к голове, руки стало мелко потряхивать, а седло страшно закрипело от моего ерзания. Стремительно и хаотично побежали мысли о моей жизни, отце и матери. В голове из множества мелкий и, казалось бы, незначительных деталей сама собой сложилась на краткое мгновение четкая картина о трагедии моей семьи, гибели родителей и моей судьбе. Казалось, еще чуть-чуть и я все пойму четко и ясно, но при этой мысли картина тут же рассыпалась, словно разбитое зеркальце.

– Дион, приехали! – горным обвалом прогрохотало у меня в ушах.

Я очнулся и почувствовал как мне тяжело дышать и пальцы моей руки буквально свело на передней луке седла, будто они вросли в медную окантовку. Я тряхнул головой чтоб разогнать туман поплывший в глазах, спрыгнул с коня совершенно не видя земли и болезненный удар пятками о камни мостовой все же привел меня в нормальные чувства.

– Дион, ты чего-то сам не свой. Ну-ну, успокойся, все будет хорошо, – придержал моего коня за повод уже стоящий на земле Артос.

Я огляделся. Мы находились у трактира, стоящего, как и говорил Артос, в двух шагах от Портовой площади. наших коней подхватил трактирный служка – парень лет четырнадцати с взлохмаченными светло-русыми волосами и помятым от недосыпа лицом, к которому крепко прилипло несколько соломинок. Он отвел жеребцов куда-то за угол

ворча себе под нос что-то о несправедливости и людской жадности.

– Не беспокойся, о конях хорошо позаботятся, – проговорил Артос, – пойдем, посмотрим что на площади происходит. Кто ж этих гостей заморских знает – может уже прибывают, а может до вечера нам стоять в ожидании придется.

Площадь открылась перед нами во всю ширь внезапно, словно ловкая хозяйка одним резким движением застелила огромный стол свежей скатертью.

Здесь была когда-то обычная, хоть и очень большая, торговая пристань. Потом, когда государство стало богатым и мощным, пристань и торговые склады были перенесены дальше на восток от города, а на их месте возвели один из символов мощи Империи. Землю застелили дорогими видами гранита, четыре широченных пирса, выложенные белым нешлифованным мрамором, врезались на триста шагов в морскую гладь Тихого моря. Каждый пирс в конце был украшен высоченным маяком с круглой сигнальной площадкой на самой его вершине.

Выбеленные фасады домов, выходящих на площадь, были выполнены в великолепном, полном строгого шика, стиле – трехэтажные, с высокими двускатными крышами красной меди, и округлыми окнами с цветными витражами. Одинаковые по размеру и форме лепные балконы поддерживали снизу реалистично выполненные животные и мифические древние гиганты.

Площадь колоссально огромна! Однажды здесь проводился парад в честь свадебного союза ныне здравствующего, но уже слегка постаревшего императора Витольда V со старшей дочерью гранда Сига, Доротеей. Это был первый брак нашего Императора. Последующие три были организованы гораздо менее торжественно и помпезно...

Так вот! На том параде приняло участие тридцать тысяч воинов со всех концов империи, а это без малого почти половина всех войск, и все армейские колонны спокойно уместились на площади, оставив еще много свободного места для гражданских.

Напротив пирсов, возвышались угловыми квадратными башнями две цитадели. Даже если враг прорвется через высоченные, двадцатиметровые, городские каменные стены, то внутри этих укреплений, высота которых даже немного превышала городские, осажденным можно было сидеть до окончания веков. Укрепления выполняли роль казарм имперской гвардии – справа кавалерийской, слева морской. Стать гвардейцем – значит обеспечить себе карьеру с прекрасным и постоянным продвижением по службе – что и пророчат мне по окончании Академии все мои преподаватели.

– Никак прибывают! – воскликнул Артос и ткнул пальцем в сторону маяков.

И действительно, с сигнальной площадки правого маяка, столбом повалил густой белый дым, которым в особых случаях подают сигнал о прибытии кораблей. Тут же, с проти-

воположной от нас стороны, глухо стукнул маршевый барабан, затем второй, третий. Донесся приглушенный расстоянием и каменными стенами звук команды, и через мгновение грохнул мощный звук строевого шага множества сапог, одновременно впечатывающихся в камни мостовой.

– Вперед! Твои строятся недалеко от южной башни, – сказал Артос и потащил меня за локоть в сторону гвардейских казарм.

Мы почти бегом устремились на место сбора, собирая по пути вынырывающих из-за углов домов моих однокурсников и сопровождавших их оруженосцев, весело и чуть возбужденно приветствуя друг друга. Веселой гурьбой, мы наконец добрались до южной башни кавалерийской гвардии и попытались хоть немного создать видимость строя. Строгие взгляды наших командиров привели нас в чувства и сильно побавили разгильдяйский настрой. Еще через мгновение мы выстроили правильную коробку из ровных рядов и шеренг, подавая пример более юным курсантам академии. В это время на площадь начали выходить колонны регулярной армии и сводные отряды ополчения. Красиво чеканя шаг, они ровными квадратами десять на десять человек, направлялись к своим местам, и каждый такой квадрат становился через равные промежутки до других таких же квадратов. Каждый воин независимо от подразделения, не важно, будь он копейщик, мечник, щитоносец или спешенный кавалерист, были одеты в одинаковую, как у меня и моих товарищей, броню.

Лишь только шлемы отличались друг от друга цветом плюмажей. Площадь быстро и ритмично заполнялась прибывающими войсками.

– Они тут всю армию собрали что ли? – слышались тихие разговоры в наших рядах.

– И когда столько доспехов успели понаделать?

– Так южане помогли. Привезли к нам какие-то пресса, и их заморские мастера чеканят доспехи день и ночь, что твои медные монеты.

– Верно-верно. Это те новые цеха на восточной окраине. Ох, и дым там стоит!

– Да-да. Там еще заборы соорудили с башнями для часовых и три кольца охраны выставили. Полная секретность говорят.

Тут мы заметили белый дымок, устремившийся вверх от второго маяка. Этот сигнал обозначал то, что прибывающие корабли совсем близко и вот-вот подойдут к пирсу.

Мы все вытягивали шеи, но только самые рослые из нас смогли сказать, что уже наблюдают кончики мачт, но парусов на них не видно.

Внезапно позади нас раздался резкий хлопок. Мы украдкой обернулись и увидели распахнувшиеся ворота гвардейских казарм и выходящих из них стройные ряды пышно снаряженных воинов. Красные, цвета заходящего солнца, плюмажи и плащи у кавалерии и светло-синие у морских гвардейцев, красиво колыхались под слабым дыханием ветерка.

Их роскошные латы с крупными гербами империи посверкивали на ярких солнечных лучах так сильно, будто на груди у каждого из этих воинов горел яркий факел. Встав флангами шеренг по обе стороны от широченного проезда между казарм, гвардейцы замерли и громко и четко запели первые строки гимна. Его, по ритму больше похожего на военный марш, по очереди подхватили квадраты остального войска и вскоре вся площадь – и военные, и простые жители столицы, – громоподобно пели во славу Империи.

Я и мои товарищи по академии старались переорать всех остальных. Нас с головой охватил небывалый и дикий восторг. Тряслись и вибрировали от возбуждения все клеточки тела. "Да – мы сильнее всех! Да – мы победители! Не важно, кого и чего, но всегда победители! Мы выше всех, мы лучше всех, все мы – имперцы!".

Когда на площадь выкатила золоченая карета императора и он сам вышел из нее, отстранив рукой всех бросившихся помогать ему вельмож, площадь просто взорвалась высшей нотой восторга. Император поднял вверх правую руку и медленно провел ею приветствуя нас, при этом край рукава его котты¹ спустился вниз, обнажив крепкую мускулистую руку воина. Поверх котты сверкало золотыми и серебряными ни-

---

¹ Котта – европейская средневековая туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами. Вырез горловины обычно небольшой, часто скреплялся какой-либо застёжкой.

тями сюрко² с нашитыми гербами империи и присоединенных к нему королевств за все века. На царственном боку висел очень хорошей стали меч – настоящий, боевой, а не вызолоченный парадный, как у многих вельмож, круживших вокруг императора. Да! Он наш император, такой же воин как и мы, и все сейчас готовы умереть за него, попроси он об этом.

И тут мы их увидели.

Корабли проявились словно из ниоткуда – так тихо и неожиданно вошли в гавань эти громадины. Место у одного пирса, где могло встать четыре довольно крупных наших военных корабля, занял всего один корабль южан. Второй подошел медленно к соседнему пирсу и замер, словно огромное морское чудовище, матово поблескивая отполированной чернотой древесины. Площадь умолкла, раздавались только тихие восклицания со смесью восхищения и ужаса перед этой мощью. Мы стали шепотом гадать, сколько воинов может поместиться на каждом судне. Самые смелые предполагали, что не менее восьми сотен пехотинцев в полном обмундировании, или три сотни тяжелых всадников. На каждом корабле стояло по одинокой высоченной мачте – голой и черной, больше напоминавших железный лом, воткнутый в землю. Парусов действительно было не видно – то ли они

---

² Сюрко – начиная с XII века длинный и просторный плащ-нарамник, похожий по покрою на пончо и часто украшавшийся гербом владельца. Обычно сюрко был длиной чуть ниже колена, имел разрезы в передней и задней части, без рукавов.

были так искусно убраны, то ли эти корабли ходили по морю неизвестным нам способом. Корабелы южан изготовили эти громадные посудины очень лаконичными – ни одного украшения на носу или корме, столь обычных для наших военных и торговых кораблей. Палуба тоже была чистая, на ней не было ничего похожего на штурвал или румпель, но самое удивительное заключалось в том, что на обоих кораблях не было видно ни единого человека.

Народ на площади, включая вельможных людей, замер в ожидании. Пауза несколько затянулась, но никто не шевелился, застыв в напряжении.

Все случилось в мгновение ока – по бортам кораблей с сильным стуком откинулись вниз ставни, обнажив квадратные проемы из которых тут же высунулись длинные металлические стержни увенчанные блестящими шарами величиной с бычью голову. На устремленные вверх мачты из чистого безоблачного неба сошли два молниевидных столба, а из торчащих по бортам металлических шаров в тоже мгновение в толпу граждан Империи метнулись толстые ветвистые молнии. Меня резко перегнуло пополам в жесточайшем спазме, словно в живот воткнули охотничье копьё, в глазах помутнело и сознание провалилось в темноту.

Очнулся я так же резко как и потерялся во мраке. Пошевелив запрокинутой назад головой, я приоткрыл глаза – прямо передо мной оказалась подкованная подошва офицерского сапога. Все тело ныло, голова гудела, словно набатный ко-

локол. В нос тошнотворно ударило паленым мясом. Я осторожно пошевелился – вроде все цело, руки-ноги слушаются, но как-то вяло, словно набитые соломой. Перевернувшись на живот, я попытался встать на четвереньки и тут же услышал топот бегущих ко мне людей и громкие восклицания. От сильного удара ногой в бок мои руки расплзлись в стороны и я упал на грудь, перед этим сильно приложившись лбом о твердый камень. Некто сильный завел мои руки за спину и связал их толстой веревкой, больно впившейся в кожу. Меня подхватили и резко поставили на ноги, но стоило это со мной сделать, как из рассеченного лба обильно хлынула кровь и залила правый глаз. Я несколько раз мотнул головой, но этим глазом лучше видеть не стал.

Стоявшие рядом люди переговаривались на каком-то непонятном наречии и, видимо что-то решив, толкнули меня в спину и повели в направлении кораблей. Я оглянулся и ледяной ужас медленно вполз мне под кожу десятками ядовитых змей – вся площадь была завалена обгорелыми трупами, некоторые тела были без следов ожогов, но лежали в невероятно скрученных позах, словно люди умирали в невыносимой агонии. У наших солдат их новые панцири схлопнулись между собой, вогнулись вовнутрь, раздавив грудную клетку. Когда-то красивейший, постоянно чистый камень площади теперь был покрыт копотью и бурыми лужами крови.

Меня, постоянно и бесцеремонно подталкивая, подвели к пирсу где стояли несколько человек в подпоясанных широ-

кими ремнями черных длинных халатах. Накинутые на голову бесформенные капюшоны скрывали лица иноземцев. Стоя посреди царящих вокруг смерти и ужаса, они, не замечая ничего невероятного или страшного вокруг, деловито переговаривались между собой. Люди в плащах одновременно повернулись и с любопытством принялись разглядывать меня с ног до головы. Оказалось, капюшоны скрывали не морды зверей, как мне почудилось в воображении, а обычные человеческие лица. Они подошли ко мне и, оживленно переговариваясь, начали ходить вокруг меня, время от времени прицокивая языками. Самый старший из них по возрасту, морщинистый и безволосый, что-то приказал стоящим позади меня воинам и ткнул мне в грудь высохшим старческим пальцем. Воины подошли, парой быстрых движений сняли с меня панцирь и показали нагрудник людям в черном. Один из них провел ладонью по внутренней стороне железа, посмотрел на меня и бросил короткую фразу остальным.

– Как догадался снять их? – спросил он меня жестким голосом.

– А вот так вот! – я лишь пожал плечами и напустил равнодушие на лицо. – Только идиот не догадается, что эти пластины созданы вовсе не для защиты, а для тайного умысла!

– Я смотрю идиотов полная площадь собралась! – долетела до моего уха шутка кого-то из странных людей в балахонах, а остальные громко и весело зашлись смехом.

Страх душил меня и ужас перекатывался по венам, но только все эти эмоции пересилило упрямое желание не показывать этим поганцам творившееся у меня в душе.

Люди в халатах стали оживлено переговариваться между собой плавно жестикулируя руками. Они снова расхохотались и ко мне обратился тот же человек.

– Раз ты умудрился выжить, то послужишь зверьком для опытов, во славу империи, конечно, – сказал он не скрывая сарказма, чем вызвал новую волну хохота у своих товарищей, и похлопал меня по плечу, – наш добрый Люциус вычитал недавно новое заклятье, вот мы на тебе его и испытаем. Ты ведь не возражаешь?

Я плюнул ему под ноги и, как мне показалось, гордо вскинул голову вверх. Но на мой плевок и высоко задранный нос внимания никто не обратил. Надо было плюнуть в чью-нибудь колдовскую рожу, но я побоялся промахнуться и стать еще более смешным.

Тем временем приблизился этот самый Люциус, лицо которого мне не удалось разглядеть из-за его сильно надвинутого капюшона и заливавшей мои глаза крови из рассеченного лба. Он походил вокруг меня, словно приценивался к жеребцу на рынке и отошел к солдатам. Солдаты засуетились. Четверо бросились бегом к кораблю, а остальные стали пиками растаскивать трупы к краю пирса и спихивать их в море.

Вскоре был расчищен квадрат шагов на двадцать во все

стороны. Меня вытолкали на эту площадку и поставили по ее центру. Напротив меня водрузили огромный, высотой почти в половину человеческого роста, деревянный сундук из черного блестящего дерева с широкими медными полосами. В руках Люциус держал белый посох с круглым золотым навершием. Колдун стал ходить вокруг меня и водить кончиком посоха по каменным плитам площади, словно что-то писал на них. Минут через пять колдовского действия, он отошел от меня на десяток шагов и стал произносить нечто похожее на заклинание сначала шепотом, но постепенно повышая тон голоса. Еще двое в капюшонах медленно и с благоговением открыли крышку сундука и опустили вниз его переднюю панель. В распахнутом сундуке оказался серебристый куб с отшлифованными до блеска поверхностями. Один из подошедших к ящику, снял с откинутой крышки нечто похожее на выкрашенную в черное дощечку, потыкал в нее пальцами и приложил её плоскость к дальней от меня грани серебристого куба.

Люциус перешел на пронзительный тонкий крик и вокруг меня стали происходить странные вещи – на граните проявились мертвенно светящиеся грязно-зеленым цветом то ли рисунки, то ли письма. Куб вспыхнул изнутри и его грани ожили, превращаясь из прямых линий в волнообразные. Перед глазами поплыло, воздух потемнел, покрылся зыбкой рябью и прямо передо мной принял вид воронки – сначала просто черной, дымчатой, а потом эта чернота стала самым

настоящим мраком и самой непроницаемой тьмой без единой искорки света.

Меня словно порезало тончайшими острыми лезвиями на мелкие кусочки размером с песчинку и постепенно, по каждой этой песчиночке, стало затягивать в пропасть воронки. Боли не было, но меня объял такой ужас, что лучше бы уж я подвергся пытке каленым железом или растягиванием на дыбе, чем переживать подобное. Скручивало и выкручивало где-то внутри, словно мелко крошили не только мое тело, а самую душу. Меня понесло по некоей трубе, которая, как мне показалось, возможно из-за пережитого кошмара, состояла из плотно сплетенных тел, но не людей или животных, а бесформенных сущностей исторгавших из себя ненависть, вражду и исполинскую злобу. Совершенная беспомощность породила волны острого отчаяния, накрывшие меня целиком.

Что я мог поделать? Я мечущаяся щепка между глубиной бушующего океана и бесконечной темнотой разверзшихся небес!

– Помощи прошу! – то ли завопил я сам, то ли это кричала моя отделившаяся от тела мысль, отбросив всякую гордость. – Помоги мне!

Я даже не понимал куда и к кому взывал о помощи. В памяти стали всплывать слова, что шептал мне Артос, называвший их молитвой. Как же там? Ну же, вспоминай!

Я орал сам на себя в попытке вернуть расплескавшееся по

всей темной вселенной сознание. И полились слова... сначала медленно, словно преодолевая плотную преграду, а потом все быстрее и увереннее:

– Отче наш, сущий на небе, да святится имя твоё... да придет царствие твоё... да будет воля Твоя и на земле, как на небе! Хлеб наш насущный дай нам на сей день и прости нам долг наш, как и мы прощаем должникам нашим и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого! Ибо Твоя есть сила и слава во веки!

Я стал повторять эти слова непрерывно. Вокруг меня стало светлеть, тихонечко, но неумолимо и явственно, темные пятна стали отрываться от прозрачных стен тоннеля, по которому я мчался, и их места заменял свет. Вскоре не осталось ни единого темного следа и я уже выкрикивал слова молитвы с радостной надеждой, а не со страхом и ужасом.

– Куда бы теперь меня не вынесло – это будет хорошо и правильно, – думал я с восторгом, – это будет по доброй воле!

Сознание мое потерялось в лабиринте света, после чего полета я больше не чувствовал. Все пропало вокруг меня, время и место перестали существовать. Бушующее море света, словно подчиняясь руке своего владыки, стало успокаиваться. Водовороты вокруг стали утихомириваться и меня стремительно и мягко подхватило течение светлой и мощной энергии.

Глава 3

Как долго продолжался полет по световым волнам? Сознание подсказки не давало. Спиной я почувствовал, что лежу на чем-то твердом и, к моей неопишуемой радости, неподвижном.

Я провел ладонью по лицу – ощущение было такое, словно на него наложили слой ваты. Прохладный, чистый воздух все больше наполнял грудь целебными ручейками, выгонявшими из тела сухость и внутренний жар. Я напряг и тут же распустил разом все мышцы – вроде все в порядке, ни боли, ни особой слабости не ощутил.

"Жив!" – промелькнула в голове радостная мысль.

Медленно, с ожиданием очередных неприятностей, я открыл глаза. Солнце сияло высоко в голубом небе, слегка омраченным низко ползущими мелкими, редкими серыми облачками, похожими на неухоженных овец из стада нерадивого пастуха.

Украдкой поведя глазами вправо-влево, увидел вершины высоченных стройных сосен. Ветки их были покрыты пожухлыми иглами, но свежие зеленые иголки настойчиво переходили в наступление, говоря о том, что весна явственно и твердо заявляла о своих правах.

По земле пробежал холодный ветерок и меня тряхнуло в ознобе. Обхватив себя руками, я понял, что на мне одето

нечто мешковатое и грубо пошитое. Я согнулся в поясе и, помогая себе сесть, уперся ладонями в шершавую прошлогоднюю траву, перемешанную с опавшей хвоей. Картина перед глазами слегка поплыла, но ничего – жить было можно.

– Очнулся болезный, – раздалось позади меня, – давай двигайся к огню, поешь, что Бог послал.

Я медленно и опасливо обернулся на голос.

Возле небольшого костерка сидели двое. Один из них, плотный телом обладатель длинных темно-каштановых волос и густых усов, переходящих в такую же густую бороду почти касавшуюся груди человека, изучающе смотрел на меня светло-серыми глазами, вспыхивавшими искорками незлого сарказма. Он был одет в синюю рубаху, по виду из хорошего плотного материала, с воротом, по краю которого был пущен непонятный, но изящный узор красной нити, застегнутый у горла медной фибулой³ в виде разорванного обруча с приплюснутыми кружками на концах. Его компаньон, мощный с виду полуголый дикарь, оказался наделенным от природы черными, как смоль, волосами, в беспорядке спускавшимися на плечи и такими же темными усами, верти-

---

³ Фибула (лат. fibula, скоба) – металлическая застёжка. В отличие от большинства современных брошей, фибулы одновременно служат украшением и выполняют практическую функцию: булавка с «замком» для острого конца позволяет закрепить одежду. Фибулы разнообразных форм были распространены с бронзового века до позднего Средневековья. При всех изменениях формы и усовершенствованиях устройства общий их тип сохранился почти неизменным. В средние века были вытеснены пуговицами,

кально свисавшими от кончиков губ к окончанию нижней челюсти покрытой густой щетиной. Цивилизованную одежду он видимо не признавал принципиально, так как кроме куска шкуры на поясе и чуть большего куска на плечах, на нем не было ничего, что можно было бы хоть как-то назвать одеждой. Он смотрел на небольшое пламя костра не отрываясь и не беспокоясь о происходившем вокруг. В общем, выглядел он диковато и от того опасно.

Мышцы слушались меня едва-едва. Я ощущал себя мешком набитым мокрым речным песком.

Еле встав на ноги, я покачнулся и едва не рухнул, потеряв равновесие. По ушам звонко резануло, в глазах все завертелось, но меня поддерживали за плечи крепкие руки. Я несколько раз глубоко вздохнул, тяжесть в голове почти ушла и картинка перед глазами перестала прыгать. Повернув голову, я увидел, что не дал мне упасть тот самый диковато одетый человек. Скорость, с которой он смог преодолеть расстояние более чем в десяток шагов, что были от меня до костра, была невероятной. Он провел меня до огня и бережно помог усесться на большой шероховатый валун. Кончики его волос сползли с лица к затылку и обнажили три глубоких шрама на сильно загорелом лице. Один белел от середины лба и наискосок доходил до середины правой брови, два других с некоторой долей симметричности проходили по верху правой и левой скулы и заканчивались в дюйме от кончиков ноздрей.

Мне сунули глубокую деревянную миску с густой похлеб-

кой, толстый ломоть темно-коричневого хлеба и деревянную ложку. Ароматный пар из миски шибанул мне в лицо, во рту забурлила слюна, а в животе отчетливо булькнуло. Как я ни старался соблюдать хоть какие-то манеры, съел я это быстрее, чем успел пару раз моргнуть. Тепло разлилось по всему телу, кровь заструилась по венам быстрее, а мышцы налились тяжестью – тяжестью упругой пружины, готовой к действию.

– Никак ожил! – радостно и громко вскрикнул бородастый, – тогда давай знакомиться! Я – Шандал, купец.

При этом он легонько хлопнул себя ладонью по правой стороне груди.

– А это, – кивнул он в сторону своего спутника, – Кионд, воин от Бога. Тебя из озера, кстати, именно он вытащил. Глазастый, как тот орел!

Шандал глядел на меня спокойно, но не без интереса. Кионд с виду проявлял интерес исключительно к огню и вновь смотрел лишь на него, но скорее всего, внимательно прислушивался к разговору.

Я потупил глаза не зная как рассказать о том, что произошло со мной, и как это изменило всю мою жизнь буквально за несколько минут.

– Да не бойся, говори как есть – это всегда легче! – ободрил меня Шандал.

Я взглянул на него и он ободряюще закивал мне, мол "давай, давай, мы и не такое слышали". И я поведал как все бы-

ло от момента нашего построения на площади и вплоть до моего полета по трубе из темной субстанции. Слушали меня внимательно. Даже Кионд отвернулся от огня в мою сторону. Я говорил медленно, но четко, стараясь не сбиваться и не перескакивать через события. Рассказал все, как было, осознавая, что помощь, если и будет, то только от этих двоих. Ведь я даже не понимал, где нахожусь! Вопрос – куда и насколько далеко от дома меня выкинуло, теперь был актуальнее всех остальных.

Шандал задал мне много вопросов о моих землях, об устройстве империи и об окружающем ее мире. Когда я отвечал ему, он лишь покачивал в недоумении головой и изредка посматривал на молчавшего Кионда, словно ожидал от него пояснений или подсказок.

– Нет, я вообще не понимаю, о каких ты местах говоришь! – тихо выговорил купец, – В каких богов ты веруешь? Вот Кионд утверждает, что ты почитатель единого Бога. Хотя его знаков на тебе нет.

– Так на нем вообще ничего не было, – сильным низким голосом пророкотал Кионд, – я свое отдал.

– Так тебе только в радость обратно в шкуру влезть, бескорыстный ты наш! – с напускной суровостью проворчал Шандал, – так с чего ты взял, что он единобожец?

– Так он, пока я его из воды тянул, только и бубнил "Отче наш...", – прогудел Кионд, – кто еще будет такое молвить в бесчувственном состоянии?

Шандал почесал толстыми пальцами густую шевелюру на затылке:

– Ну, так-то да... – протянул он, поглядел по сторонам и неожиданно буквально скомандовал, – спать! Солнце на закат. Нам уже к завтрашнему полудню надо быть на месте.

За всеми этими разговорами я и не заметил, как пролетел светлый день. Спать совершенно не хотелось, а мысли билась в голове друг о дружку. Хотелось самому задавать вопросы... много вопросов. Но, взяв себя в руки, я молча подчинился Шандалу.

– Я покараюлю.

Кионд поднял лежавшее в траве рядом с ним копье, встал и расправил плечи. Он был высок, даже чуть выше меня, хотя я считался в своем окружении просто дылдой, широк в плечах и жилист, словно весь скрученный из крепких канатов и веревок разной толщины. Кончик копья, с небольшим, длинной с ладонь, острым и нешироким наконечником, оказался вровень с его макушкой. Кионд сделал всего несколько шагов и, как по волшебству, бесшумно исчез за ближними деревьями.

Шандал поднялся на ноги, потянулся, похрустел позвонками и медленно поплелся в противоположную сторону, потом оглянулся и махнул мне рукой. В двух десятках шагах от костра стояла крепкая и довольно длинная телега, а недалеко от нее паслась пара широкогрудых рослых пони, мирно пощипывавших то, что могла подать пока еще скудная на све-

жую растительность земля. Шандал до пояса залез под полог телеги, покопался в тюках и извлек на свет пару клетчатых шерстяных пледов и один сунул мне.

– Ближко к костру не ложись. Постарайся отдохнуть и выспаться, встанем рано, а то нам до славного города Алакара еще шагать и шагать. Хотя, если ты еще бодр, расскажи мне все то, что запомнил о том кубе из колдовского сундука. Ну, того самого, с помощью которого тебя сюда перебросили.

Я рассказал все, что могла выдать моя память – цвет, форма, пропорции, блеск. Вспомнил как менял он свою форму от заклинаний колдуна. Упомянул черную дощечку, в которую тыкал пальцем другой колдун. Пока я выкладывал все из своей памяти, Шандал был очень серьезным и сосредоточенным, и мне даже показалось, что он мысленно водит гусиным пером по белому листку и буквально дословно записывает все, что я говорил.

Когда я закончил, он легонько хлопнул меня ладонью по плечу и отошел выбирать место для лежки. Я отмерил от огня пяток шагов и расстелил довольно широкий плед, лег с краю и оставшейся половиной накрылся сверху. Сон пришел неожиданно быстро, будто я провалился в темную сухую яму, застеленную толстым слоем павшей листвы.

Утром меня разбудил бесцеремонный, но легкий и даже бережный толчок под ребра:

– Подъем, – раздался громкий рык над ухом.

Я рывком сел и протер глаза. Шандал и подошедший к

нему Кионд уже возились у повозки прилаживая на пони сбрую. У меня чуть не вырвался вопрос про привычный завтрак, но я сдержался, – может у местных не принято есть по утрам, а может свой завтрак я уже проспал.

Я поднялся на ноги и потянулся, выравнивая позвонки. Сон на практически голой земле оказывается сильно отличается от сна на кровати с матрасом, пусть и таким жестким, какой был у меня дома. Мышцы застыли и затекли, пришлось немного поприседать, потрясти ногами и руками что бы кровь снова нормально закружилась по венам и оживила мышцы.

Как можно аккуратнее свернув плед, стряхивая с него соринки и травинки, я отнес его к телеге Шандала. Тот принял от меня уже остывшую шерстяную тряпку и, услышав мой предательски урчащий живот, кивнул в сторону костра.

– Только быстро, Кионд вообще был против того, что бы кормить тебя, – не скрывая усмешки сказал купец.

Пытаясь не ускорять шаги от нетерпения и голода, я почти гордо подошел к кострищу и увидел рядом с ним на еще теплом камне хороший кусок подогретого мяса и ломоть хлеба. Наказ Шандала выполнен сам собой – видимо мой желудок настолько был пуст, что я проглотил пищу мгновенно, едва успев почувствовать ее вкус. Желудок все еще ворчал о превратностях своей судьбы, но уже не так сварливо и громко, слегка задобренный простой походной трапезой.

– Ну, коли все готовы, тронулись с Богом! – Шандал, ши-

роко перекрестился и стал выводить телегу к дороге, покрывавшая на пони.

Кионд подошел ко мне:

– Держись в пяти шагах позади телеги и внимательно смотри назад и по сторонам. Нынче приходится сильно береженным быть.

Почти у самой дороги, метров трех в ширину с хорошо утоптанной поверхностью, на обочине я увидел кривоватый, но довольно толстый сук со снятой временем корой и потемневший от долгого лежания на земле. Я взял его в руки – увесистая деревяха удобно легла в ладонь, и, опираясь на нее, я пошел в след телеги. Кионд уже убежал на три десятка шагов от нас и быстро шагал вперед, широко размахивая правой рукой с зажатым в ней копьём.

Шли молча. Было слышно лишь поскрипывание колес и постукивание подкованных копыт по редким булыжникам. Часа через два дорога выбежала из чащи и повела нас среди невысоких холмов, поросших низкой травой и торчащими тут и там островками густого кустарника. Кое-где еще не сошла роса, и прозрачные капельки весело искрились на солнце и немного оживляли блеском открытую местность.

Вскоре стали попадаться узкие и поросшие травой дороги вливавшиеся в ту, по которой мы торопливо двигались, приподнимая в воздух легкую серую пыль ногами и колесами. В голову почему-то пришел образ реки, в которую впадали разной ширины ручьи и ручейки ловко огибавшие холмы,

невысокие и густо поросшие травой.

Тут и там, из смешавшихся между собой прошлогодних темных и весенних свежих трав, неожиданно поднимались птички, с два кулака величиной, ярко-оранжевой и ярко-красной окраски, и пересекали перед нами дорогу маленькими юркими молниями. В самой траве раздавался тихий стрекочущий хор насекомых. Жизнь была везде и повсюду.

Обмотки, что дал мне щедрый Кионд, не были идеальной обувью и идти в них оказалось не так удобно, нежели в моих старых, добрых, тонкой кожи сапогах, находящихся сейчас в неизвестном от меня направлении и, казалось на таком расстоянии, что не хватит и трех жизней, что бы добраться до них.

Ближе к полдню мы сделали короткую остановку. Шандал быстрыми шагами направился к стоявшему на обочине высокому валуну, больше напоминавшему заготовку для каменного столба-опоры, посмотрел на солнце и сделав несколько широких шагов присел и стал ковыряться в земле. Вскоре он появился возле нас с увесистым мешком на плечах. Очень аккуратно и почти не дыша, он снял его со своих плеч и положил в глубину повозки, бережно устраивая по соседству с остальной поклажей. Лишь только после этого он провел ладонью по бордовому от недавней натуги лицу и согнулся, упершись ладонями в колени, тяжело и хрипло дыша. Наконец он побряхтывая выпрямился и, отхлебнув воды

из привязанного к телеге кувшина, взялся за вожжи и заставил своих пони двинуться дальше.

Любопытство так и распирало меня – что за сокровища отрыл Шандал? Все ли тут честно и законно? А не грозят ли мне неприятности из-за новых знакомых?

Но ни одному из мельтешивших в голове вопросов я так и не дал вырваться на свободу, предпочтя молчать и наблюдать.

Дорога подняла нас на вершину пологого холма. Кионд, шедший впереди, остановился и подался всем телом чуть вперед, всматриваясь в нечто, видимое пока ему одному. Телега медленно поравнялась с Киондом и остановилась. Шандал, сидевший спереди с вожжами в руках, привстал и, приложив ладонь к глазам, поглядел в ту же сторону, что и Кионд.

– Тебя тревожат эти крестьяне? – спросил купец.

Встав на носки, он приподнялся еще чуть выше.

– Да кто же так с кормилицами обращается! – горестно воскликнул Шандал, – кто так своих коров гонять будет?

– Если своих, то точно не будут, – Кионд сделал паузу и многозначительно взглянул на Шандала.

– Ты полагаешь, что это разбойнички? – сощурил глаза купец.

Великан Кионд несколько раз перекинул копьё из руки в руку и спокойно проговорил:

– А вот сейчас их и спросим – кто такие и откуда путь

держат.

Я подошел к мордам наших пони и потрепал холку ближайшего. Посмотрев вперед, заметил приближающееся скопление людей и животных. В голове коровьего стада средней величины, вышагивали пятеро мужиков, перекрикивавшиеся между собой грубоватыми голосами. Позади всех, подгоняя коров толстыми палками, шли еще несколько человек.

– Ведь загонят коровушек, погубят милых... – бубнил под нос Шандал, и что-то нащупывал под пологом телеги.

Кионд сделал несколько широких шагов вперед и, уткнув тупой конец копья у правой ступни, застыл словно часовой у ворот замка. Я же так и остался рядом с пони, сделав лишь малюсенький шаг назад к повозке. Почувствовав напряжение Шандала, я обхватил рукой посильнее свой посох и напряженно застыл в ожидании развязки незапланированной нами встречи.

Шедший впереди громко гомонящей оравы огромный, похожий из-за своего большого, но плотного живота, на круглую пивную бочку, рыжебородый здоровяк в относительно чистой, мехом наружу, безрукавке, вдруг резко перестал гоготать и удивленно взглянул на перегородившую им путь повозку и человека с копьем перед ней. Оглядев нас и убедившись, что вокруг больше никого нет, он мелко махнул ладонью своим спутникам и медленно двинулся в нашу сторону. Мужики потрепанного вида, с всклокоченными, дав-

но не чесанными бородами самой разной масти, короткими шагами медленно приближались к нам, совершенно не торопясь обгонять рыжебородого здоровяка. Одежда на них была подстать их лицам – грязная, ободранная, и к тому же явно с чужих плеч. Двое из них, не скрывая злых ухмылок, поигрывали суковатыми дубинками. Остальные демонстративно передвинули из-за спин висевшие на поясах топоры. Не настоящие боевые топоры воинов, а обычные хозяйственные, которыми крестьяне колют дрова, валят деревья и поправляют свои сараи, но в покрытых вьевшейся в кожу грязию руках они далеко не выглядели инструментом для мирного и созидательного труда.

Рыжебородый выставил вперед челюсть, подвигал ей влево-вправо, ленивым взглядом внимательно оглядывая спокойно стоящего Кионда. Оценив его мощную фигуру воина, он с налетом презрения в голосе процедил сквозь зубы:

– Тебя, похоже, стражником наняли? Отойди в сторону и у меня не будет к тебе претензий, нам нужен только этот купчишка и его телега.

– Да я бы с радостью, но вот незадача выходит, – Кионд кивнул в сторону телеги, – он еще не расплатился со мною, а убытки мне терпеть ох как не хочется, особенно в наше беспокойное время.

Глаза рыжебородого главаря округлились в изумлении от услышанного. Он замер, оглянулся на своих дружков, тоже онемевших и застывших на месте. Рыжебородый медленно

повернулся обратно в нашу сторону, упер кулаки в бока и неожиданно громко и глухо расхохотался запрокинув назад голову, показывая всему белому свету наполовину освобожденный от зубов рот. Вдоволь нагоготовавшись, он опустил голову обратно и тут же словно натянул на лицо злобную маску.

– А ты парень не промах! Ладно, пощупаем купчишку и, может быть, не оставлю тебя внакладе.

Громила сделал шаг к телеге, но Кионд остановил его вопросом:

– А с купцом и парнем что будешь делать – убьешь?

– Тебе жалко их что ли? – изумился громила, – Нет конечно! Не убью. Человек теперь снова стал товаром и очень даже прибыльным. Продам их вместе с остальными.

Он неопределенно махнул куда-то в сторону стада и снова двинулся к телеге. Не успел толстяк сделать и пары шагов, как рука Кионда взметнулась вверх, по воздуху вжикнуло копьё и к шее главаря разбойников сверкнувшей молнией прилетело железо наконечника, уткнувшегося острием прямо под его кадык.

– Да неужели ты и впрямь смел подумать, что я отдам тебе на растерзание тех, кто доверил мне свои жизни?

Кионд, держа копьё вытянутой вперед правой рукой, сделал маленький шажочек вперед, заставив толстяка попятиться назад. Тот комично прогнулся назад, размахивал руками, неловко силясь удержать равновесие, уйти от копья и при

всем этом не свалиться навзничь. Его глаза дико вращались во все стороны и искали помощи у остальных оборванцев, застывших с дубинами и топорами в руках.

Кионд сделал еще несколько быстрых мелких шагов, заставляя пятиться своего противника все дальше и дальше. Может Кионд не заметил, а может и специально так делал, но он вдруг оказался практически окружен разбойниками. Один из них не выдержал – широко замахнулся дубиной и с громким гиканьем набросился на Кионда сзади. Кионд резко присел и дубина глухо и сильно шлепнула рыжебородого в грудь. Тот рухнул на спину и застыл, улегшись на землю с широко раскинутыми руками, смотря пустыми глазами в чистое синее небо.

И тут я прыгнул так, словно под моими пятками разжались пружины. Подняв высоко вверх посох, я рванул вперед так, что послышался треск в сухожилиях. Весь вес тела я вложил в удар, что пришелся по сутулой спине ближайшего из разбойников. Тот был с головой поглощен своей собственной атакой, его топор уже выцеливал шею Кионда, когда мой удар стал для него крайне неприятной неожиданностью. Разбойник издал булькающий звук, попытался повернуться в мою сторону, но не смог завершить движение – повернулся на пятках и просто рухнул лицом в сухую землю. То ли удар был так силен, то ли посох не прочен, но у меня в руках осталась лишь его половина.

Я огляделся, бешено вращая головой. Кионд успешно тес-

нил ловкими взмахами копья двух разбойников, еще один пытался достать Шандала, который отмахивался от разбойничьей дубины коротким палашом находясь на вершине повозки. Быстро поняв, что именно купцу нужна моя помощь в данный момент, я крикнул что есть мочи:

– Шандал, держись!

Разбойник, что кружил у повозки заметил и меня, и все, что осталось от посоха в моей руке. Он далеко сплюнул сквозь зубы, провел грязным рукавом по губам и сделал ко мне несколько быстрых шагов, широко от плеча замахиваясь дубинкой. Я совершенно растерялся и уже готов был просто принять на себя удар или попытаться хотя бы отскочить в сторону, как моя рука, послушная инстинкту, резко махнула. Расщепленный конец обломка посоха прошелся прямо по лицу разбойника как небольшая связка бритв. Тот громко взвыл, выронил свою дубину и, обхватив ладонями лоб и щеки, упал на колени. Сквозь его скрюченные пальцы вдруг брызнула и побежала густыми струйками темно-алая кровь. Мои глаза смотрели на него застынув, словно меня моментально заморозило. Я мог лишь тяжело и с трудом дышать и едва воспринимал умом произошедшее мгновение назад.

Через несколько вдохов-выдохов, я заставил себя двигаться и осмотреться. Противники Кионда уже валялись на земле – один обхватил себя за брюхо и медленно перекатывался по земле с бока на бок, другой лежал плашмя, прижатый копьем, и поднял руки, сдаваясь на милость победителя.

– Связать их! – прорычал Кионд впившись глазами в поверженного разбойника.

Шандал уже бежал от повозки с мотком крепкой веревки, словно именно для таких случаев она всегда у него лежала под рукой. Пока мы туго стягивали валявшимся на земле разбойникам руки за спинами, наш великан словно тигр ходил поперек дороги с копьем на изготовку.

– Где-то еще как минимум двое было! – прорычал он.

Его грудь широко раздвигалась при каждом вздохе. Глаза пристально, по-орлиному, смотрели то в одну, то в другую сторону, выискивая притаившихся врагов.

Привязав разбойников, на всякий случай, еще и друг к другу, мы втроем осторожно двинулись к коровам, которые опустили к земле свои головы и щипали траву, словно ничего такого страшного вокруг и не происходило. Это были великолепные, ухоженные коровы, но чудовищно загнанные неумелыми погонщиками. Шандал ходил между ними, шепча что-то ласковое каждой. Он вытирал им морды чистой тряпкой, оглаживал бока и чесал головы.

И тут мы с Киондом, к своему изумлению, наткнулись на необычную картину: двое мужчин со связанными за спиной руками сидели на третьем, распластанном лицом вниз на колючей прошлогодней траве. Лежащий, по виду, был такой же бандит, как и те, которых мы сейчас успешно успокоили и спеленали веревками. Сидящие же на нем явно не принадлежали к этой компании. У обоих виднелись следы побоев,

множественные кровоподтеки украшали лоб и скулы, разбитые губы сильно опухли.

Первый мужчина, как мне показалось лет сорока, был несколько смугл кожей, чем резко отличался от нашей относительно бледнокожести, а его темно-карие глаза смотрели спокойно и пристально, отмечая каждое наше движение. Густые темные волосы, достававшие до середины шеи, были когда-то весьма ухожены, а теперь лежали в полном беспорядке, впрочем совершенно не смущая этим своего хозяина. Плотная коричневая туника, украшенная белыми узорами спускавшимися двумя неширокими линиями спереди и позади рукавов, свободно сидела на широкоплечем незнакомце не скрывая крепкую фигуру.

Второй из сидевших поверх кряхтящего разбойника, выглядел минимум лет на десять помоложе первого, и смотрел на нас живыми, подвижными серыми глазами, с хитроватым прищуром. Под прямым тонким носом с едва видимой горбинкой на его лице уютно расположились густые темные усы, спускавшиеся до нижней челюсти, чем он немного напоминал Кионда. Его самой выдающейся и заметной частью был абсолютно лысый блестящий череп, слегка бликовавший на послеполуденном солнце.

– Еще один успел убежать, – сказал сероглазый, поведя плечами в сторону видневшегося недалеко соснового леса, – наверняка не догнать уже – поскакал как заяц от гончих.

Кионд молча присел и провел лезвием ножа по веревкам.

Путы упали на землю и недавние пленники принялись усиленно растирать запястья, морщась от боли. Кионд подхватил одну из веревок и сунул мне:

– Свяжи пока этого, – кивнул он на лежащего разбойника, – да покрепче.

Веревку мягким и ловким движением перехватил обладатель лысого черепа.

– Дайка я сам его стреножу. Как барана свяжу! – сказал он с нескрываемой злобой, заломил лежавшему руки за спину и обмотал запястья так крепко, что тот всхлипнул от боли, – они с дружкой гнали нас своими дубинами не отличая от коров – все плечи и бока отбили.

Он кивнул мне и мы вдвоем рывком подняли разбойника на ноги. Тот смотрел на нас с диким испугом, челюсть его тряслась так, что того и гляди полились бы мольбы о пощаде вперемежку с плачем. Уже впятером, мы вернулись к телеги, где с грозным видом стража и с обнаженным тесаком прогуливался вокруг скученной банды Шандал. Двое, освобожденных нами, увидев всю банду в сборе, яростно воскликнули что-то вроде проклятий и медленно подошли к связанным. Гнев этих двоих был настолько силен и очевиден, что разбойники заелозили по земле, пытаясь отодвинуться от них. Но бывшие пленники не стали ни бить их, ни пинать, а лишь слегка задержались взглядами на главаре. Тот втиснул голову в плечи и всеми силами старался увести взгляд в сторону или в землю. Я резким толчком, не мало не церемонясь,

присоединил к общей куче последнего разбойничка и мы с освобожденными из плена мужчинами отошли к повозке.

– Я – Колмак Доран, из Зеленых земель, клан Коххан. Теперь ваш должник, – первым заговорил лысый и поклонился в сторону Кионда, искренне выражая благодарность, но и не теряя достоинства.

– Бадеро, – коротко представился смуглолицый и слегка наклонил голову, – тоже хотел бы вернуть вам долг.

– О возвращении долгов предлагаю поговорить чуть позже, мне сейчас очень хочется выяснить кто эти люди и откуда! – Кионд ткнул пальцем в сторону разбойников, – Судя по тому как они вольготно шли, не скрываясь и не прячась, есть подозрение, что это лишь часть какого-то отряда, на силу которого они очень полагались. Вас-то двоих как угораздило прибиться к этому сборищу?

– Я помню лишь то, что остановился в придорожной таверне по дороге между Аберте и Тануд. Помню как угощался пивом и все... дальше меня как обухом по голове стукнуло и очнулся я уже со связанными руками среди этих рож, – Колмак плюнул в сторону разбойников.

– Меня повязали на дороге возле села Катурес, – в свою очередь повел рассказ Бадеро, – только я его миновал, как выскочили эти дуrolомы из леса и навалились всем скопом. Я даже не успел вытащить свой нож из-за пояса, как меня спеленали веревками! И вот теперь мне очень интересно – где мой кошель и фамильный кинжал?

Кионд хмуро посмотрел на разбойников, потом, словно выбрав кого-то из них, подхватил свое копьё и, стремительно подойдя к связанным, заорал:

– Быстро рассказал мне все что знаешь – кто вы, откуда и где остальная шайка!!!

Тот, с неподдельным ужасом на лице, часто-часто замотал головой, явно боясь кого-то гораздо больше, чем орущего на него великана в дикарском наряде. Тогда Кионд без замаха и предупреждения ткнул копьём ему в бедро и над дорогой пронёсся пронзительный вой раненого разбойника.

Обезумевший с виду Кионд сунул окровавленное острие копьё к лицу следующего разбойника, того, что был помоложе. Волю того окончательно сломил вид завалившегося рядом с ним на землю и орущего товарища, штанина которого стала быстро пропитываться кровью.

Молодой пленник начал захлеб и сбивчиво рассказывать Кионду о делах банды. Они и в самом деле оказались лишь малой частью довольно большого отряда. Коров разбойники просто-напросто увели с луга возле села Дуглас, а их семерых отправили отогнать стадо и еще пару пленников к заливу недалеко от Вендола что бы продать там живые трофеи.

– И людей тоже? – грозно спросил Кионд.

– Да. В портовых городах, особенно на юге, появились торговцы живым товаром. Говорят, они очень выгодно покупают пленников.

Лицо Кионда содрогнулось от омерзения:

– Остальные где? – грозно рыкнул он.

– Пошли в сторону Ардерид, говорят война надвигается и большинство мужчин забираются в войска лордов и короля. Деревни защищать некому. Легкая нажива, ты же понимаешь.

Я заметил как у Кионда побели костяшки пальцев сжимавших древко копья, но, приложив большое внутреннее усилие, он все же сдержал воинственный порыв применить дорожное правосудие и просто отошел к нам.

– Вы все слышали? – промолвил он тихо, – что будем делать? У кого какие мысли?

Шандал запустил пальцы глубоко в бороду, почесал подбородак и, ни с того ни с сего, обратился ко мне:

– Дион, что думаешь ты?

– Отвести коров хозяевам, – пролепетал я первое, что пришло в голову, – доложить о разбойниках местным властям и предупредить их о готовящемся нападении... передать пленных страже.

– Ух! Стратег однако, – с улыбкой сказал Шандал, – Кионд, как тебе план нашего юного друга?

– Коров можно отвести, тут полдня пути – к позднему вечеру дойдем, – ответил нахмуривший лоб великан, – к тому же это по пути для нашей телеги.

Он многозначительно посмотрел на Шандала, и тот ответил кивком, подтверждая, что хорошо понял и все сказанное, и все не произнесенное вслух.

– Куда бы вы не пошли, мы с вами, – почти хором произнесли освобожденные нами из плена мужчины.

– Пока не отдам долг целиком, позвольте сопровождать вас! Я не буду в тягость – пью мало, ем еще меньше, а сил пока еще много, – просительно взглянул на Кионда уроженец Зеленых земель.

– Присоединяюсь к словам моего невольного попутчика, – с твердостью в голосе сказал Бадеро, – примите наши услуги в счет погашения долга за освобождение, поверьте, мы упрямы и не отступимся.

– Тогда не будем терять времени, – скомандовал Кионд после секундного раздумья, – ты, Шандал на телегу и вперед, пленных привязать веревкой к задку телеги. Вы, Бадеро и Колмак, подберите себе что-нибудь из трофеев и сделайте так, что бы у этих бандитов даже мысли не появилось сбежать от нас.

Наши новые попутчики грозно ослабились, согласно кивнули. Подойдя к сложенному в кучу нехитрому разбойничьему оружию, они присели на корточки и стали деловито выбирать что получше да понадежнее.

– Это мы с удовольствием, – нарочито громко сказал Колмак, проверяя остроту длинного ножа с широким лезвием, – перед упырями этими у нас тоже большой должок образовался!

– Дион, – обратился Кионд ко мне, – мы с тобой пойдем замыкающими в роли пастухов и погоним коров.

– Шандал, дай парню оружие, он свою дубину поломал о чью-то спину.

Шандал повозился под пологом телеги и сунул мне хороший боевой топор на длинном древке. Я сказал, что еще не достаточно хорошо владею таким оружием, оно мне будет только мешать, случись бой, и попросил хороший крепкий дрын, кусочек воловьей кожи, пару локтей прочной веревки и нож. Купец в удивлении сделал паузу изобразив бровями пару крутых волн, но уже через несколько мгновений у меня в руках было все, что я попросил.

Наша небольшая походная колонна, состоящая из повозки Шандала, крепко привязанных к ней канатом шестерых плененных разбойников, под зорким наблюдением вооруженных трофейными топорами и ножами Бадеро и Колмака, десятком коров в самом её конце двинулась в сторону, к которой начало скатывалось солнце от своей самой верхней точки в небесах. Мы с Киондом последними и подгоняли коров тонкими хворостинками, не давая им разбредаться в стороны от дороги.

Подсунув хороший, из плотной древесины с гладкой поверхностью, ровный и длинный посох под мышку, я сделал петли на веревках, потом проделал ножом ровные дырки в кусочке коже и, соединив все элементы воедино, получил примитивную, но вполне рабочую пращу.

– Чего это ты такое соорудил, – любопытствовал Кионд, – я такое видел последний раз довольно далеко отсюда.

– Мы такие мастерили еще совсем мальчишками, – пробубнил я себе под нос, – ничего особенного, но глиняные кувшины разлетаются вдребезги.

Кионд взял у меня из рук пращу покрутил, оглядел со всех сторон, разве что не понюхал, и вернул обратно:

– Таким предметом еще нужно научиться пользоваться, а пока выглядит как детская игрушка!

Я посмотрел себе под ноги и на ходу, слегка ободрав пальцы, выковырял из плотной дорожной пыли хороший ровный голыш, вложил его в ложе пращи и поискал глазами подходящую мишень.

– Верю я тебе, верю. Не надо птичек просто так сшибать из хвостовства, – остановил он мой порыв, – к созданиям божьим подобрее надо быть.

– Не ожидал от тебя такой доброты к живым существам, – с неожиданным раздражением вылетело из меня, – копьём в связанного человека тыкать, значит, у тебя верх гуманности?

– Так вот чего ты вдруг такой опечаленный! – тихо пробасил Кионд и после недолгой паузы добавил:

– Нам нужно было добыть очень важные для нас всех сведения и, может быть, благодаря именно им мы спасем кого-то от полона или даже от смерти. А этому замухпышке я лишь ногу оцарапал чтоб на остальных страх нагнать и языки развязать. Эвон, посмотри как он бодро ковыляет! – Кионд ткнул пальцем в толпу плененных.

Тот самый подраненный пленный с перевязанным бедром

шел спокойно и даже не хромал, а лишь смотрел пустыми глазами себе под ноги, впрочем как и большинство разбойников. Ведь они буквально час назад гулявшие на свободе и позволявшие себе все, что заблагорассудится их разнузданной душе, теперь связаны по рукам и друг с другом прочными веревками и идут они совсем не туда, куда им хочется.

– Сердце твое успокоилось? – миролюбиво спросил наш, лишь с виду диковатый, великан.

Я просто кивнул в ответ и тяжело выдохнул. В груди у сердца с силой бился жгучий огонек стыда за свои бестолковые мысли и за то, что так отнесся к своему недавнему спасителю.

– Прости, – сказал я, – был неправ.

Я почувствовал, как щеки заалели, а уши зажгло так, словно их подпаливали на углях.

– Просто ты хороший парень! И очень добрый, – потерял меня по плечу Кионд, – постарайся этого не растерять, чувствует мое сердце – будут у тебя еще испытания похлеще сегодняшних.

Глава 4

Долго мы шли в тишине – безмолвные и сосредоточенные на дороге. Самые разные мысли хаотично бороздили сознание, сталкивались и отталкивали друг друга, не давая мне привести душевное состояние к покою и равновесию.

Я периодически оглядывал окружающий мир – вроде бы и ничего особенного или сильно отличного от моего мира. Недалеко от дороги стали появляться островки высоких прямых сосен отделенных друг от друга широкими лугами с невысокой растительностью – подобное я видел и в своих краях.

Мы, монотонно переставляя ноги, шли все дальше и дальше, а сосны, словно завоеватели в союзе с густыми елями, стали захватывать пространство вокруг нас все больше и шире. Да и над дорогой они начали нависать толстыми ветвями и все чаще проплывать в опасной близости от головы сидевшего на телеге Шандала.

Колючие ветви стали переплетаться между собой настолько плотно и густо, что вокруг стало заметно темнее. Постепенно свет совершенно иссяк и лишь только сейчас до меня дошла истина – идем мы уже так долго, что добрались до заката. Привставая на цыпочках и заглядывая в голову нашей колонны, я углядел как Шандал темным пятном поднимается в полный рост на телеге и, уворачиваясь от колючих вет-

вей, вглядывается вдаль, в надежде, что вот-вот появится то самое село к которому мы спешно брели. Я же окончательно вышел из задумчивого ступора и все мои мысли, вместе с гудящими от напряжения ногами, устремились туда же вперед, в надежде на достойный отдых.

Вдруг Шандал, в очередной раз приподнявшись, задержался на ногах дольше обычного и, обернувшись к нам, энергично замахал свободной от вожжей рукой и показал ей вперед.

– Ну, слава Богу, почти дошли! – Кионд перекрестился и ободряюще сказал мне, – еще чуть-чуть и отдохнем в сласть.

Хвойный лес резко расступился в стороны и мы выбрались на обширное пустое пространство с широким холмом посередине. В небе уже во всю блистали звезды, и стало гораздо светлее, чем было под лесным одеялом. Дорога повела вправо вокруг холма и вверх по спирали к плоской, словно срезанной гигантским ножом, вершине. Воодушевленный тем, что долгожданный отдых буквально за поворотом, я собрал остаток сил и упрямо карабкался вслед за стадом, нетерпеливо помахивая прутиком. Коровки, почувствовав родные стойла, громко мычали высоко вздымая морды и выпуская клубящийся пар в остывший ночной воздух. Как я ни старался держаться, дыхание предательски тяжело со свистом выходило из меня при каждом выдохе. Широкая тропа вильнула еще раз, и над нами нависло высокое, круглое в основании, здание каменной мельницы. Судя по узким бойни-

цам в стене и высившимся прямо над тропой закрытым балконом, сооружение выполняло заодно и защитные функции, словно добротная сторожевая башня замка.

– Остановитесь! – резко раздалось над нашими головами, – Кто такие? Чего надобно?

Шандал, ехавший в голове нашего маленького каравана, ответил вопрошавшему, быстро и емко рассказав о нашем маленьком сражении и дальнейшем коротком переходе до этого села. Когда он закончил, наверху стало на некоторое время тихо. Затем спереди от нас один за другим показалось с десятков факелов, которые стали приближаться слегка колышась из стороны в сторону.

Во главе отряда, в окружении дюжих воинов с большими круглыми щитами и боевыми топорами в руках, вышагивал немолодой мужчина лет шестидесяти с окладистыми седыми усами и бородкой, в темном, длинной до колен, одеянии на худых плечах. Он уверенно продвинулся вперед между своих воинов и широко раскинув в стороны руки радостно воскликнул:

– Шандал, ты ли это! Все тебе дома не сидится и ты решил все земли обойти что бы было, что в старости рассказать?!

Шандал спрыгнул с повозки, кряхтя разогнулся и тоже раскинув руки обнял подошедшего к нему знакомого. Они похлопывали друг друга по спинам и плечам и о чем-то тихо переговаривались. Шандал периодически оборачивался и кивал в сторону пленных и коров.

Я в ожидании переминался с ноги на ногу и уже начинал терять остатки терпения, когда увидел как по кивку седого мужчины воины расступились и вслед за взмахом руки Шандала наш отряд стал вдвигаться в село. Когда мы поравнялись с седобородым он с почтением и радостью поприветствовал Кионда.

– И тебя этот купчишка соблазнил на приключения?

Они крепко обнялись и затем Кионд показал на меня:

– Это Дион, наш юный спутник. Между прочим сегодня жизнь мне спас! – он посмотрел на меня и продолжил, – Дион, это – Хартмар, староста села Дуглас, наш с Шандалом старинный друг.

Староста слегка наклонил в мою сторону голову, я ответил тем же и моя спина заныла так, что я чуть не позволил себе застонать. Староста приглашающее поднял руку в сторону села и сам быстрым шагом пошел вперед. Мы миновали полотняные крылья мельницы и вышли на довольно большое плато на вершине холма. Факелов прибавилось и их свет упирался в бревенчатые стены приземистых крепких домов, откуда уже высыпали заспанные селяне и с любопытством окружили наш караван. Раздавались громкие радостные восклицания и было похоже, что кто-то узнал свою коровушку.

Мы снова остановились. Селяне замолчали и устремили глаза на своего старосту.

– Благодаря нашим друзьям, мы сегодня вновь приобрели наших утерянных кормилиц. Поблагодарим друзей! – он

широким жестом указал на нас.

Раздались благодарственные крики, пожелания здоровья и небесной помощи. Меня все это заставило смутиться и почувствовать, как загораются мои щеки, в тот же момент появилось смешанное чувство радостной растерянности и беспомощности.

Староста, улыбаясь, плавно поднял вверх руку, призывая односельчан к вниманию.

– Наши друзья проделали трудный путь и очень устали, отложим их чествование до завтра. А теперь коров в стойла, а этих, – ткнул он пальцем в связанных разбойников, – в овин и накормить.

В толпе раздались гневные крики, некоторые стали потрясать факелами, топорами и деревянными вилами.

– Кормить?! Этых воров и разбойников?!!

Людская стена надвинулась на испуганных пленников, которые попытались вжаться в землю и сбились в одну кучу.

– Они кроме дубины по ребрам ничего больше не заслужили!!!

В воздухе раздались звонкие шлепки оплеух и глухие пинки. В селян на глазах стало вселяться легкое неистовство.

– А если кровь невинных на их руках!!!

Староста с налетом гнева на строгом лице взмахнул рукой, снова призывая односельчан к тишине. Сейчас он больше напоминал отца большого семейства, пытавшегося утихомирить разошедшуюся детвору.

Нехотя все замолчали и на лицах людей явственно читалось недовольство, но, видимо, авторитет старосты был так высок, что все послушно и быстро уняли ропот.

– Что сделали наши предки, впервые попав на эти земли? – обратился седобородый к людям.

– Посадили каменные деревья! – прокричал юношеский голос после небольшой паузы.

– Правильно, – кивнул староста, – и что они сделали, когда прижились деревья?

– Храм поставили! – раздалось сразу множество голосов со всех сторон.

– Верно, – сказал уже в тишине Хартмар и протянул руку в сторону здания, размером с хорошую крестьянскую избу, с высоким куполом посередине крыши, на самом верху которого, на фоне сине-черного ночного неба был виден силуэт креста, – все верно. Предки наши так чтили веру в Бога единого, что прежде своих домов поставили дом Божий где и возносились их молитвы. И посмотрите на нас нынешних!

Староста сделал паузу и обвел взглядом всех селян.

– Но ведь разбойники... – раздалось тихо из толпы, – коров наших увели... разорение.

– Сейчас это связанные по ногам и рукам люди, – возразил староста, – и разве последних коров они у нас увели? Малую часть стад наших, и то Божий промысел вернул их нам. И разве нам их судить? Есть суд Божий, а если в него кто-то мало верит, то для таких есть суд королевский.

Староста снова замолчал и, тяжело вздохнув, продолжил:

– Какое страшное пожелание возникло в сердцах наших!

Для человека праведного, если возникнет в сердце его худое пожелание, то равно это порочному делу. Это грех для него, и притом тяжкий. Человек праведный и помышляет праведное. И когда помышляет он праведное и неуклонно к тому стремиться, то имеет на Небесах благоволение Господа во всяком деле.

Многие в толпе пристыжено опустили головы кивая в знак согласия с говорившим. То тут, то там раздавались тяжкие вздохи сожаления о содеянном и сказанном. Староста сделал примирительный жест ладонями. Со следами усталости на лице и тихой печалью в голосе он продолжил увещевания:

– Те же, которые нечестивое держат в сердцах своих, навлекают на себя смерть и тлен, особенно те, которые любят век настоящий, заботятся сплошь о земных благах, роскошествуют в излишках своих и не ожидают благ будущих и вечных. Гибнут души их! Делают такое лишь двоедушные, которые не имеют надежды в Господе, нерадят и небрегут о своей жизни. Разве делаем мы дела, достойные предков своих? Да что там! Дети наши лучше нас самих. Пока мы с вами судимся да рядимся, они делают в простоте своей благое дело. Посмотрите на них!

Все обернулись в сторону пленных, куда и указывала рука старосты. Несколько детишек в возрасте от пяти до двенадцати лет принесли для пленных хлеб и молоко в кувшинах

с широким горлом. Из-за веревок на руках пленникам было трудно удерживать еду, так дети и тут помогали им, поднося ломти хлеба к их ртам и придерживая кувшины. Кто-то из разбойников не выдержал и, встав на колени, непрерывно шептал "простите, простите" и пытался вытирать связанными руками мокрое от слез лицо. Некоторые тихо благодарили детей и низко им кланялись.

– Может хоть из-за наших детей Господь простит нам грехи, может хоть они молитвами своими вытащат нас из ада, которого мы несомненно достойны, – окончил староста и повернувшись к нам пригласительным жестом попросил последовать за ним.

– Нет! – вдруг резко раздалось над толпой сельчан, – нет такого бога! И никогда не было! А если и был, то давно бросил и забыл нас! А вы просто дураки, что продолжаете верить в эту сказку! И детей своих дураками делаете!

Так проорал на всю сельскую площадь бывший предводитель разбойников. Все его жирное тело крупно сотрясало, лицо стало темнее ночи, а выпученные глаза заблестели, словно намазанные изнутри фосфором. Из ходившей ходуном груди выходили уже не слова, а звериный рык. Бывшие его подельники в ужасе пытались отодвинуться, отвернуться, но веревки не отпускали их дальше пары шагов, позволив лишь прикрыть собой детей от внезапно обезумевшего человека.

Староста развернулся и небольшими шагами подошел к

нему вплотную. Седой старик спокойно глядел в дико вращающиеся глаза разбойника и громко, с уверенностью в каждом слове, произнес:

– Это у тебя Бога нет. А вот у Бога есть все мы, – староста обвел рукой вокруг себя и остановил её движение на разбойнике, – и ты в том числе, хочешь ты того или нет. А то, что ты сейчас стоишь здесь связанный, без чести и без совести – так это последствие твоего выбора. Уж так Господь положил, что человек вправе выбирать с кем ему быть и каким путем идти, а иначе и не человек бы то уже был, а скотина бессловесная, коли нет у него свободной воли. Ничем не лучше этих коров жил бы такой человек. Все, уводите их!

Воинственно потрясая щитами, селяне подняли на ноги плененных разбойников и повели в темноту.

– Что ж, а вы гости дорогие, следуйте за мной, – взглянул он на Кионда, Шандала, меня и стоявших рядом Бадеро и Колмака, – хоть дом мой и не царские хоромы, но койку найдем для каждого.

– Койка – это, конечно, хорошо и даже очень нужна некоторым, – Кионд красноречиво посмотрел в мою сторону и во мне, при всем желании, уже не находилось силы гордо вскинуть голову и возразить, – но надо бы еще поговорить и обсудить происходящее в округе.

– Что же, как будет тебе угодно, мой друг, – улыбнулся Хартмар, – я уже стар и сон не имеет надо мной прежней власти, жаль тратить остаток жизни на такое ничтожное де-

ло. Сколько мне еще осталось – одному Богу известно!

Тяжело ступая по покрытой тонким слоем земли каменной поверхности холма, староста повел нас к дому, стоявшему на небольшом отдалении от всех остальных изб, да еще и обнесенному по кругу высоким частоколом. Дом с двускатной крышей при рассмотрении вблизи оказался крупнее остальных. Огромные, в полноценный обхват, бревна стен, высотой в восемь венцов, плотно подогнаны друг к другу и придавали дому вид крепости. Широкое с навесом крыльцо посередине и пара узких окон по бокам от него были чем-то похожи на ворота замка с бойницами для лучников.

Глухо простучав ногами по немногочисленным ступенькам крыльца, мы вошли в распахнутую дверь сделанную из толстых прочных досок, скрепленных несколькими железными полосами. Прямо перед нашими глазами раскинулся широкий и длинный стол, простой, но очень аккуратно сделанный и гладко отшлифованный, а на стоявших вдоль него массивных лавках могло запросто разместиться полторы дюжины человек. В дальнем углу от входа, уютно расположился открытый очаг, где над весело сверкавшим оранжевыми оттенками огнем на железной треноге висел внушительных размеров котел. Запах свежеприготовленного рагу или чего-то подобного, состоящего из мяса и сушеных овощей, навязчиво лез в нос заставляя яростно бороться между собой голод и дикую усталость.

В левой и правой стене помещения зияли неширокие,

прикрытые плотными занавесями, проходы в соседние от зала комнаты и мое воображение услужливо подсказывало, что в одной из них нас ждут кровати, на которых можно уютно устроиться и проспать весь остаток ночи до самого утра, а может и дольше.

Староста прошел к очагу, снял обувь и прошел босиком по аккуратно расстеленным вокруг стола шкурам, по форме и цвету напоминавшим медвежьей, и сел во главу стола. По его примеру мы тоже разулись у входа, там же побросали в угол свои топоры, ножи и прочее вооружение. Последовав указующему жесту Хартмара, сели по правую от него руку. Тут же, неведомо откуда, появились женщины и быстро расставили возле нас большие деревянные миски с аппетитно дымящимся кушаньем, буквально мгновение назад варившемся в котле, нарезанный каравай на подносе и кувшины с каким-то напитком, источающим сильный травяной запах.

– Отведайте сначала наш хайс, он вас немного взбодрит, – показал рукой староста на кувшины.

Сидевший рядом Бадеро плеснул в мою кружку, сделанную из большого бычьего рога, темную жидкость, потом плеснул сидевшему по другую руку Колмаку, и уже потом налил себе.

Я немного отхлебнул, оценил чуть горьковатый, но приятный на вкус напиток, и быстро сделал еще несколько больших глотков. По желудку пробежался бодрящий огонек, же-

ление спать немного притупилось, и мне показалось, что все же смогу продержаться без отдыха еще час-другой.

Быстро насытившись и отставив опустевшие тарелки, мы еще раз подняли кружки. Шандал сказал несколько благодарственных слов о хозяине, так гостеприимно приютившего простых путников. Хартмар в свою очередь медленно наклонил голову, благодаря за добрые слова, и ответил не менее учтивой речью, полную признательности за спасение стада коров и поимку разбойников, в следствии чего местные дороги и леса стали чище и простым людям теперь гораздо безопаснее находиться окрест села.

Сделав еще несколько глотков, мы посидели в тишине, едва нарушаемую движением наших челюстей, и через пару минут ее наконец прервал Кионд:

– Есть нечто, требующее безотлагательного решения, поэтому я опущу некоторые моменты учтивости и перейду сразу к делу, – он обвел нас взглядом и остановил глаза на старосте, принимая его старшинство за столом.

Услышанные только что от Кионда словесные обороты и его мягкий тон голоса меня сильно удивили, они совершенно не гармонировали с его диковатой внешностью и тем, что я слышал от него до сих пор, за редким исключением. Кионд четко и подробно рассказал о том, что нам удалось выудить из разбойников, о походе банды на деревню Ардерид, о ее составе и предположительном пути следования.

– Тут вот какой вопрос, – выдержав паузу продолжил Ки-

онд, – в любом случае разбойников остановить надо и возникает непростой выбор – сделать это самим или искать защитника тех земель и просить его помочь крестьянам. Сразу скажу свое мнение – мне думается второй вариант более долгий и ненадежный, можем попросту опоздать.

Староста легонько погладил бороду ладонью и сказал, обращаясь к Кионду.

– Людьями помочь не смогу, мне самому нужны крепкие парни для сопровождения каравана с остатками нашего зерна, с теми шкурами, что добыли за зиму и солониной. Сейчас это в Алакаре ценный товар, а на дорогах сами видите, что твориться. Телеги наши уходят через три дня.

– И в этом случае вы нам можете оказать большую услугу и очень даже помочь – с вашим караваном отправиться Шандал со своей повозкой. Если вы не против конечно.

– Ну, разве я могу вам отказать в такой малости! – усмехнулся добродушно Хартмар, – это даже не наша, а еще одна ваша услуга для всего нашего села. Зная о присутствии Шандала в нашем караване, мне будет гораздо спокойнее и за товар и людей.

Староста приветственно поднял кружку в сторону купца и дождавшись столь же уважительного ответного жеста, сделал маленький глоток.

– Значит выступаем малым отрядом налегке. Возможно это поможет нам опередить разбойников.

– Есть какая-нибудь короткая дорога на юг к Ардериду? –

продолжил Кионд слегка наклонившись в сторону старосты.

Хартмар откинулся на спинку стула и опустил подбородок к груди.

– Был один путь, через Шарские болота, – нерешительно сказал он подергивая мышцами на скулах, – но позапрошлым летом там пропало несколько человек и с тех пор люди боятся к этим болотам приближаться. Один наш пастух в начале прошедшей осени забрел туда в поисках пропавшего бычка...

Староста тяжело вздохнул и покачал головой.

– И что с ним случилось? – подал голос Бадеро.

Староста поднял на него тяжелый взгляд и ответил глухим голосом:

– Он обезумел, все рассказывал о каких-то чудовищах, стал бояться темноты и закончилось все тем, что он покончил с собой.

– Как так? – воскликнул Кионд.

– Просто взял и повесился в амбаре, – ответил Хартмар, – жена его там нашла под утро. Я сам видел тело... глаза широко раскрыты и в них такой ужас, что кровь в жилах стыла.

Мы все замолчали и замерли, лишь слегка двигая кружками по столу. Яркий свет очага хорошо освещал помрачневшие лица. В плясавших отблесках огня, по выпуклым бревенчатым стенам ходили неверные тени, превращаясь во все, что угодно было нашему воображению, а досчатый потолок, который вдруг стал как будто ниже, давил на нас сверху.

– Сколько времени можно выиграть, если мы все же пойдем через эти болота? – тихо спросил Кионд.

– Три дня с гаком, – ответил староста, – это если даже не сильно торопиться! Но сейчас, наверняка, выиграть там можно будет лишь собственную смерть... или безумие.

Кионд, смотрел остекленевшими глазами на огонь, будто видя в нем тот самый трудный, но короткий путь, который наверняка может стать очень тяжелым и опасным. И вполне вероятно, до цели путешествия мы так и не сможем дойти, последовав через тому пути.

Кионд, с силой вдохнув, выпрямил спину, провел пальцами по своим длинным волосам и откинул их назад.

– А если предположить, что опасность сильно преувеличена? – промолвил он.

– Такое тоже возможно, – ответил староста, – но кто это проверит? У нас в селе таких смельчаков до сих пор не нашлось, и я своих людей всей душой понимаю... и без этого хлопот много.

Староста замолк на пару мгновений и твердо произнес:

– Кионд! Прими совет от старика – выпитесь и придите к окончательному решению на свежую голову. Да и стоит ли так спешить на помощь Ардериду? Может местные мужики и сами справятся с этой напастью.

Кионд с горячностью ответил:

– В том-то и дело, что, по словам наших пленных, мужиков в деревне кот наплакал, – якобы всех призвали на воин-

скую службу из-за надвигающейся войны. Кстати, ты ни о чем подобном не слышал? Мне кажется война будет делом пострашнее, чем банда разбойников.

Хартмар поднес кружку к губам, сделал несколько глотков и плавно опустил ее на стол.

– Ходили тут слухи, что произошло несколько нападений на караваны бердских купцов, что проходили по Скалисто-му ущелью – давно протоптанному пути из их земель в наши края и далее в Зеленые земли через Далрий и на юг в Регд. Кто это злодейство сотворил – никто толком не знает. Никто не уцелел из тех караванов или, по крайней мере, больше никого из тех людей не видели. Но среди тамошнего народа все больше расползается слух, что виной всему наш правитель и что скоро бердский конунг вслух выскажет свои претензии, а это значит будет настоящая, большая война.

– Эвон чего делается! – воскликнул Шандал, – а на самом деле что происходит с купцами?

– Дак, кто же это знает достоверно! – вздохнул староста, – Наш король все отрицает и гневается факту причисления его достоинства к разбойничьему люду. Лично я склонен ему доверять. За двадцать семь лет правления с короной на голове он заслужил уважение и простого народа, и воинского сословия, да и среди лордов-защитников земель у него вряд ли враги найдутся.

Все снова затихли, поднимая к губам кружки и отхлебывая мелкими глотками горьковатую жидкость. Как бы ни был

хорош напиток, но его бодрящее свойство закончилось, и свинцовая усталость уверенно, как вернувшаяся домой хозяйка, снова расплзлась по всему телу. Поглядев по сторонам, я заметил, что и все мои спутники испытывают примерно тоже самое, но во всю стараются не выдавать утомление дорогой, хотя их веки опускались и поднимались все медленнее и медленнее.

– Ну что же, – сказал староста и положил правую ладонь на стол, – думаю окончательное решение вы примете уже утром, а теперь прошу всех в боковую – там вас уже вас кровати заждались. Хорошенько выспитесь и отдохните.

Тихо благодаря за сытный стол, мы поднялись со скамеек и, пошаркивая еле двигающимися ногами, прошли в распахнутую дверь, что была справа от входа.

В неширокой комнатке нас ожидали расставленные вдоль стен грубоватые кровати пару локтей шириной. На плотно подогнанные толстые доски была накинута солома и по паре, то ли волчьих, то ли собачьих, шкур. В головах лежали чурбаны с выдолбленным посередине углублением для головы. Кионд остановился возле кровати, что была у самого входа и стал снимать перевязь. Шандал вяло махнул мне ладонью и мы прошли с ним к дальним кроватям. Он показал мне на правую койку, а сам отошел к противоположной и с наполненным усталостью выдохом тяжело опустился на низкое ложе. Бадеро и Колмак оперативно и быстро устроились недалеко от нас.

– Господи, – пролепетал Шандал, – благослови наш сон и помилуй нас.

Он перекрестился и медленно откинулся на кровать, похрустывая суставами и тихо вздыхая. Я неловко повторил на всякий случай его крестообразное движение и тоже лег на мягкие шкуры.

Не смотря на грубоватость работы ремесленника, кровать мне показалась просто королевским ложем, а жесткий чурбак сразу удобно расположился у меня под затылком. Но сон не желал приходить, пришлось мысленно побороться с мышцами ног и спины, которые как будто скрутились во множество узлов. Выровняв дыхание, я пытался максимально расслабиться и распустить эти узелки. Вскоре по телу пошло тепло и в голове тонко звякнула струна. Я быстро провалился в темную яму сонного забытья, но мгновенно меня оттуда вынесло так же, как веревка с крючком выдергивает блестящую рыбину из темной воды на солнечный свет. Меня, ослепленного ярким белым сиянием, несло вверх. Движение было стремительное, захватывающее дух и не дающее вдохнуть в легкие воздух.

Глава 5

Мое вознесение прекратилось быстро и одновременно с этим очень мягко. Сила, несшая меня, подержала мое тело немного в воздухе и медленно опустила вниз. Под пятками, что-то хрустнуло и я погрузился по щиколотку во что-то податливое и приятно холодное. При этом я отчетливо понимал, что тело мое так и покоится на кровати, по соседству с моими товарищами и сейчас путешествует лишь мой разум, или дух... или душа. Но в данное мгновение я ощущал свое полное присутствие в каком-то новом месте, незнакомом и чудном.

Свет потихоньку потерял избыточную яркость и я, тихонько прозревая, увидел, что стою на снежной вершине высоченного горного пика. Белые густые облака, что были гораздо ниже меня, стали не торопясь расходиться.

С высоты орлиного полета я увидел под собой землю, больше всего напоминавшую громадный остров. По крайней мере с трех сторон берега омывались бескрайними солеными водами. Земля покрыта густыми лесами с редкими и маленькими проплешинами пашен, полей и лугов. С запада на восток и во встречном направлении остров прорезали многочисленные голубые ленты рек и речушек, на юге они терялись в густоте лесов, другие брали свои начала на вершинах невысоких гор в северной части острова.

Я обратил взгляд на восток и тут же грудь наполнили волны неопишемого восторга от созерцания огромного, почти как море, озера. словно драгоценный голубой карбункул оно было вставлено рукой опытного ювелира в еще более огромный изумруд густых лесов. Солнечный свет переливался и искрился на катящихся невысоких волнах, разбрызгивая миллиарды крошечных алмазов. Ветер широкими ладонями поглаживал непослушные зеленые кудри дремучего леса, который стоял здесь будто от самого сотворения мира.

Некая сила мягко и настойчиво, как бы не заставляя, но настойчиво прося, повернула мою голову на север. Я не стал сопротивляться и напряг зрение вглядываясь вперед, ближе к линии очень далекого горизонта.

Мой взгляд пробежался по скругленным вершинам невысоких гор, что протянулись на север и упирались в темную завесу туч, я подался вперед и сощурил глаза, но тучи были непроницаемы. Чья-то прозрачная едва видимая рука легко отодвинула далеко вперед от меня клубившуюся темень, которая попыталась огрызнуться ветвистыми молниями и оглушающими раскатами грома. Открылась страна высоких скалистых гор, наполовину покрытых сверкающим льдом и снегом, с многочисленными острыми вершинами, похожими на вздернутые вверх копыя. Между горами ютились равнины, на которых посеревший снег теснила оттаивающая черными пятнами земля. Между двух гор, выглядевших как нахохлившиеся совы, замелькал черный с серебристыми ис-

корками вихрь. Пришла странная в своей новизне мысль, что это не природный вихрь, а сотворенный кем-то из странной и неизученной материи. Раньше подобные или похожие по своему строению мысли и не думали посещать мою голову.

Верхушку вихря бросало из стороны в сторону, он то расширялся и почти припадал к самой земле, то набирая обороты вытягивался прямо к облакам черным клубящимся столбом. Вихрь рвался яростно, сильно и словно пытался оторваться от чего-то приковавшего его к этому месту. В мой ум взбрело, что если он это сделает, то произойдет катастрофа, и от этого красивейшего зеленого острова останется лишь серый пепел.

С севера вдруг накатил холодный ветер и ударил меня по лицу сыростью снежного заряда. На миг я зажмурился и снова открыл глаза, вихрь вновь закрыли темные тучи, но было абсолютно ясно, что этот черный предвестник несчастий никуда не исчез, он продолжит крутиться и не оставит попыток вырваться из поставленного кем-то капкана.

"Беда идет на эти земли!" – навязчиво блиась мысль.

В который раз за последнее время я стоял на перепутье – повернуться к злу спиной и бежать от него или встретиться с ним лицом к лицу, попытаться отодвинуть беду от этих земель и спасти как можно больше добрых людей.

"Да меня самого спасти надо!" – попытался жалобно воскликнуть я, но меня стремительно закружило, картинка вокруг меня поплыла и скомкалась как бумага в гигантской ру-

ке. Небольшой и быстрый полет в темноте и я очнулся на все той же самой кровати в гостеприимном и протопленном доме Хартмара. Моя голова приподнялась, но мышцы шеи предательски ослабли и я звонко приложился затылком о деревянную "подушку".

В темноте комнатки мои соседи похрапывали и посапывали, ворочались и чесывались во сне.

– Завтра все решу, – прошептал я про себя, чувствуя как мои ноги, замерзшие на вершине горы, стали потихоньку отогреваться. Веки сами собой крепко смежились и наконец-то пришел спокойный сон, возвращающий силы и бодрость всякому утомленному путнику.

Спал я до тех пор, пока меня не разбудили негромкие глухие звуки из соседней комнаты. За перегородкой стукались друг о друга деревянные тарелки, что-то расставлялось на стол. Раздавался тихое перешептывание женских голосов.

Я поднялся на своем ложе, опустил голые пятки на жесткую циновку у кровати и с хрустом в спине и плечах потянулся. Рот сам собой растянулся в громком зевке, но я его тут же прикрыл ладонью – мои спутники еще спали. Я прошмыгнул мимо свернувшегося калачом под пестрым пледом Колмака и лежащего на боку, лицом к бревенчатой стене, Бадеро.

На цыпочках проходя к двери, я замер, увидев Кионда лежащего на спине и вытянувшегося как струна. Мышцы его лица словно опали, нос заострился, а лицо было бледным, словно молоко. Вдруг подумалось, что он умер во сне. Ста-

ло страшно и морозные иголки укололи вокруг сердца. Кионд, словно почувствовав мою тревогу, тихонько вдохнул и слегка повернул голову на бок. Опустив напрягшиеся плечи, я тихонько приоткрыл тяжелую дверь стараясь ей не скрипнуть. Тяжелые кованые петли к моему спокойствию оказались хорошо смазаны и не издали ни единого звука.

В комнате, где мы вчера ужинали, суетились две женщины лет под сорок в серых домотканых платьях с подолами до самого пола и длинными рукавами до запястий. Обернувшись ко мне, они приветливо улыбнулись, раздвинув уголки губ до кромки белых платков завязанных под подбородком, которые почти полностью прикрывали их головы, лоб и щеки, и застыли ожидая от меня вопроса или просьбы.

– А где тут у вас воды раздобыть? – тихо и неуверенно проговорил я, – ополоснуться бы мне после сна.

Женщины с недоумением на лицах переглянулись, и та, что была поближе ко мне, махнула в сторону двери.

– Выйдешь из дома и налево за углом стоит бочка с дождевой водой, – прошептала она, – но только дюже она холодная!

– Спасибо, это то что надо, – прошептал я в ответ и открыл тяжелую входную дверь.

Холодный воздух застыл абсолютно недвижимый – даже легкого дуновения ветерка не пробежало по моей коже. Солнце едва касалось своим нижним, чуть красноватым, краем горизонта и уже достаточно освещало все вокруг. Спу-

стившись с крыльца на сырую от холодной росы землю, я совершенно не вовремя понял, что вышел необутый. Но не возвращаться же из-за такого пустяка! Зябко пожившись, я мелкой трусцой побежал налево и за угол. Там действительно стояла емкость, высотой мне по пояс, полная воды. Я облокотился ладонями на покоцанные края старой бочки и поглядел на ровную гладь воды.

– Что, оболтус? Одни приключения с тобой! – обратился я к своему отражению.

На меня пристально смотрел молодой парень с неглубоко посаженными темными глазами аккуратно очерченными длинными ресницами. Неширокие, но густые брови вплотную подходили к переносице с небольшой горбинкой плавно переходящей в тонкий нос. Мне почему-то никогда не нравился мой собственный нос, всегда казалось, что истинно мужской нос должен быть широким, мясистым и обязательно сломанным хотя бы в одном месте. Припухшие губы моего отражения в воде в неудовольствии приподняли правый уголок.

А еще мне показалось, что я сильно похудел лицом – скулы заострились и как будто подались вперед, подбородок вообще стал похож на наконечник копья, хотя раньше больше походил, как я считал, на широкую поверхность кистеня. Как же на этом острие посередине умудрилась сохраниться небольшая ямка, которая, по-моему глубокому убеждению, должна очень нравиться девушкам?

Наконец я медленно погрузил ладони в воду. Она оказалась гораздо холоднее чем я ожидал. Собравшись с духом я наклонился и плеснул себе в лицо. Мелко закололо кожу, словно на лицо попало толченое стекло. Сильно выдохнув я плеснул еще раз, потом на макушку, и еще разок в лицо. Проведя ладонями ото лба до затылка по коротко стриженным волосам, я в порыве лихой решительности стянул с себя рубаху и стал обильно плескать ледяную влагу себе на спину, шею и плечи. Чуть приподнимаясь, размазывал воду по груди и животу. Дыхание замерло, сердце вообще словно пропало из груди, но уже через несколько мгновений огненные струи разбежалось по коже и проникли внутри тела к каждой мышце. Ребра широко развернулись и воздух вошел водопадом в легкие. В моей груди ожила спавшая до этого кузница и загрохотала так, словно могучие молотобойцы хотели сломать мои ребра изнутри.

Сила могучая переливалась во мне и захотелось героического действия!

Я с десятков рас присел, потом подпрыгнул вверх прижимая колени к груди, и еще несколько раз, стараясь делать все очень быстро. Затем я широко помахал руками разминая плечи. Мои пальцы сами собой сжались в кулаки и я нанес несколько ударов воображаемому противнику, тут же уклоняясь от ответных атак. Не теряя азарта, я подобрал валяющуюся у ног короткую палку и словно мечом стал атаковать все того же несуществующего в реальности противника. Я

бил сверху, сбоку, колот в длинных выпадах, менял стойки, стараясь ловко и быстро передвигать ноги.

– Все-все, Дион! – раздалось позади меня, – все супостаты до единого уже разбежались в ужасе! Ох, и страшен ты в битве! Ох, и страшен!

Я остановился и, переводя дыхание, оглянулся.

Опираясь на торец бревна сруба избы на меня глядел широко улыбавшийся Кионд.

– Пошли боец за стол! Как только подкрепимся, так и в путь двинемся!

Он мотнул головой в сторону крыльца и, ожидая меня, замер, не переставая ухмыляться, – настолько, видимо, повеселил я его своими утренними упражнениями.

Несколько смутившись, я подобрал рубаху, быстро натянул ее через голову и неспешно пошел к крыльцу.

Мы вошли в натопленный очагом дом и прошли к столу. Место на скамье, где я сидел вчера, оставили свободным.

Слегка подтолкнув меня к столу, Кионд прошел чуть вперед и сел рядом. Он пододвинул ко мне большое глиняное прямоугольное блюдо с нарезанным широкими пластами холодным мясом проложенного какими-то сушеными травами. Рядом поставили миску с хлебом и до краев наполненную молоком кружку. Сдерживаясь, нарочито замедляя свои движения, я приступил к трапезе. Чуть суховатое мясо имело приятный пряный вкус и я с удовольствием жевал его стараясь сдерживать чрезмерную активность своих челюстей.

Я закусывал мясо теплым хлебом из грубо помолотой ржаной муки и запивал молоком, быстро подернувшимся тонкой пленкой сливок.

Дождавшись, когда гости сыто облокотятся о стол, староста спросил, обращаясь взглядом поочередно то к Шандалу, то к Кионду:

– Какое окончательное решение принято, друзья? Куда направите свои стопы?

Мои товарищи по походу переглянулись. Кионд, передавая право говорить, тихонько кивнул нашему купцу и Шандал коротко промолвил:

– Я остаюсь здесь и иду в Алакар с вашими подводами.

– Мы с Колмаком и Бадеро решили идти коротким путем к Ардериду, надо помочь местным, нельзя же вот так взять и бросить их! – быстро проговорил Кионд и обернулся в мою сторону.

– Дион, – обратился он ко мне, – как ты решил распорядиться собой?

– Я иду с тобой! – совершенно не раздумывая ответил я, – Шандал не остается в одиночестве и я уверен, что он спокойно доберется до Алакара. А в той деревне я не буду лишним, я буду нужнее именно там.

Мои спутники одобрительно прогудели и Кионд положив ладонь на мое плечо подвел итог быстрому совещанию:

– Тогда немедля собираемся, ибо время работает сейчас против нас.

Меньше чем через час мы стояли перед спуском с холма на вершине которого располагалось село, так гостеприимно нас принявшее. Провожать нашу команду вышло множество людей. Мужчины жали нам руки желая удачи, женщины благословляли, а старики размашисто крестили.

Перед этим наши новые заплечные сумки туго наполнили съестными припасами, топоры наточили, а Колмак даже обзавелся простеньким охотничьим луком и парой дюжин стрел.

При мне оставался все тот же прочный посох, что дал Шандал и моя самодельная праща с тщательно подобранными к ней округлыми камнями в стянутом шнуром кожаном мешочке, подвешенному к новому, шириной в три пальца, кожаному поясу, которым я подвязал подаренную сельчанами темно-коричневую длинную тунику. Туника хоть и носила следы мелкого ремонта, но была чистая и теплая. По крайней мере гораздо более лучше чем та, что перешла мне от Кионда. Ко всему прочему, мне еще достался замечательный, с треугольной фибулой, шерстяной плащ, тоже коричневый, но чуть светлее туники.

Сам же наш предводитель Кионд оказался одетым уже гораздо более приличнее, чем я наблюдал вчера. Его шкуры сменила крепкая крестьянская одежда и простые, но прочные обмотки на ногах.

Шандал крепко обнял нас всех по очереди, потом отвел в сторону Кионда и о чем-то стал с ним шептаться. Великан

оглянулся в мою сторону и коротко кивнул Шандалу. Они еще раз обнялись и Кионд направился к нам. Последним попрощаться с нами подошел староста:

– Удачного вам пути, – ласково промолвил он, – Кионду я рассказал все, что знаю о местах, по которым вы пойдете – слушайте его и не пропадете. Дорога трудная, но, возможно, вполне проходима, особенно для таких бывалых воинов. Цель у вас благородная и потому – да поможет вам Бог.

Староста низко поклонился нам, мои спутники ответили тем же, а я почему-то в тот момент растерялся и тоже поклонился, но с опозданием и, с непривычки гнуть спину, не так низко. Все эти ритуалы были новы для меня, а тут еще и прилюдно возвели в ранг бывалого воина, что ввело меня в легкий ступор.

Староста подошел ко мне почти вплотную.

– А ты точно не княжеских кровей? – спросил он глядя мне в глаза.

Я оторопело помотал головой. Кровь вдруг схлынула от лица.

– А может царских или императорских? – продолжал все-речь спрашивать старик.

– Да с чего вы такое взяли? – попытался возразить я решительно и твердо, но голос почему дрогнул.

– Ведешь себя не совсем просто, а за столом так и вообще... – задумчиво промолвил староста не отводя от меня глаз, – и голова у тебя такая, словно хороший цирюльник

стриг, борода чисто побрита была... вон волос какой короткий и ровный.

На выручку пришел Кионд:

– Нормальный парень он, Хартмар! С нами недавно, но уже показал себя. Поверь – Дион хороший парень.

– Так я и не говорил, что плохой, – с искренней улыбкой ответил староста, – просто он какой-то... – староста замялся подбирая слова, – не отсюда какой-то.

– Ну дак, так и есть – он к нам с неба свалился, – расхохотался Кионд.

– Ага, – подтвердил Шандал, – с неба прямо в воду и почти к нам под ноги... мы как раз пони поили в тот момент.

Староста нахмурил брови и обратился к Кионду:

– А ведь похоже он не шутит?

– Не шутит, – серьезно подтвердил Кионд, – Шандал тебе все поведает когда мы уйдем.

Хартмар широко перекрестил всех нас:

– Тогда идите уже быстрее, мне не терпится послушать историю об этом, наверняка знатном, юноше, – кивнув мне, он развернулся и подхватил Шандала под локоть, направляя его сторону своего дома.

А мы, между тем, тронулись в путь.

Быстро спустившись с холма, повернули у первой попавшейся развилке вправо на дорожку, петляющую между пологими холмами, покрытыми прошлогодней травой, пожухлой и превратившейся в прелую солому.

Солнце поднялось выше и уже ощутимо прогрело наши левые бока.

Шли как обычно молча, не тратя силы и воздух на разговоры. Наш шаг стал сам собой быстрым и размеренным. Чистота прозрачного воздуха и легкий ветерок бодрили нас и помогали, охлаждая и подсушивая лбы, на которых выступали маленькие капельки пота, особенно когда дорога шла на подъем. Впереди двигался Кионд, вступая мягко не поднимая пятками пыли с плотно утрамбованной грунтовой дороги. Следом шел я, стараясь точно перенять манеру передвижения своего друга – с пятки на носок, с пятки на носок, левой, правой и так бесчисленное количество раз. Постепенно я отучал себя от привычки вколачивать всю ступню в землю, словно солдат на параде.

Вскоре холмы почти сгладились, стали попадаться густые островки березняков в окружении непроходимых, как казалось из далека, высоких кустов. Кионд на ходу оглядывал каждую поросль, высматривая возможные засады или наоборот расслабившегося на отдыхе врага.

Я оглянулся назад. Замыкавший нашу маленькую группу Колмак нес в левой руке лук с приготовленной стрелой и так же, как и ведущий нас Кионд, внимательно смотрел по сторонам. Мои же глаза наоборот – все чаще опускались вниз и я старался изо всех сил не потерять темп заданный всему отряду нашим авангардом.

Солнце уже миновало свою наивысшую точку в небесах,

а я все шагал и шагал уже без всякой надежды на отдых. Лямки заплечной сумки глубже врезались в плечи и по-моему уже натирали не кожу, а сами кости. Грудь все тяжелее раздвигалась при вдохе, требуя от меня мысленных волевых усилий.

– Терпение, – прогудел Кионд, – дойдем вон до того леска и сделаем короткий привал, нам кровь из носа надо до темноты подойти к болоту и найти заброшенную пастушью хижину, и вот там и отдохнем как следует.

"Либо он мысли читает, либо у меня все на лице написано" – промелькнуло в голове.

Но новость о скором привале, когда можно будет просто плюхнуться на землю и вытянуть ноги очень приободрила. Сил не прибавилось, но появилась цель и конкретное, видимое глазу расстояние, которое надо преодолеть.

Наконец добравшись до невысоких березок, бросавших прохладную тень на покрытую сухой прошлогодней листвой землю, я скинул с ноющих плеч сумку и ничком упал на землю. Грудь тяжело вздымалась с хриловатым звуком загоняя воздух в легкие. Ноги гудели, спина занемела до состояния камня. Дав небольшой, в несколько минут, отдых, Кионд скомандовал явно в мою сторону:

– Хворост нужен! Быстро сварганим что-нибудь горячее и силы подкрепим.

Я открыл глаза и приподнялся на локте. Исключительно один Кионд выглядел абсолютно не утомленным переходом,

а остальные мои спутники смотрелись чуть получше меня, но они все же сдержались и не бросились как я на землю для отдыха, лишь тяжелое дыхание и обильный пот выдавал их усталость.

С тяжким вздохом я поднялся и обреченно направился в чащу. Стараясь подыскать ветки потолще и посуше, я углубился в чащу на полсотни шагов. Здесь деревья стояли очень близко друг к другу, гораздо теснее, чем на окраине леса. Набрав внушительную охапку дров, я повернулся туда, где, предположительно, должны были находиться мои спутники. Иногда мне приходилось двигаться боком между стволами, оцарапывая руки о шершавые стволы, что бы не растерять свою добычу.

"Ради куска горячего мяса можно и потерпеть" – успокаивал я себя.

Пройдя несколько десятков шагов я остановился и прислушался. Слева раздалось невнятный говор, ему ответил другой. Похоже, что переговаривались Кионд и Бадеро. Мне показалось это немного странным – не мог же я так сильно потерять нужное направление? Но тем не менее пошел на голоса. Сделав с полсотни шагов, я вновь остановился и напряг слух. Лишь ветви тихонько шумели у меня над головой, тревожимые легким ветерком. Вдруг снова раздалось бормотание, но с совершенно другой стороны, нежели с которой я полагал его услышать.

– Вот что значит усталость! Совсем голову потерял, бол-

ван! – тихо произнес я начиная злиться и упрямо пошел на голоса ускорив шаг до максимума.

Я прошел уже довольно много, по всем моим расчетам я уже должен был выйти из леса, но березовые стволы все еще были такими же частыми и мешали идти прямо, заставляя петлять вокруг них.

Пришлось снова остановился. Заперев в груди дыхание и, стараясь не шуршать ногами по густо накиданным по земле мелким сухим веточкам, я замер, почти превратившись в то же самое дерево. Очень долго было совершенно тихо. Но вдруг, буквально в паре десятков шагов раздался четкий голос Кионда. Похоже он переругивался с кем-то из нашей группы путешественников. Я бросился туда со всех ног, не замечая, что теряю часть ветвей из охапки в руках. Уже пройдя, точнее пробежав, предполагаемое расстояние, я в отчаяние заметил, что деревья ничуть не поредели. Наоборот, к ним прибавились густые колючие кусты, больно цеплявшиеся за руки, ноги и царапавшие лицо. Медленным шагом я вышел на более-менее свободное от растительности место и с размахом швырнул дрова на землю.

– Да что же это твориться! – громко крикнул я куда-то вверх, – Кионд! Бадеро! Кол-мак!

Я громко орал на все стороны. Снова замер. Ничего. Ни хруста веток под ногами, ни голосов. Я сел на корточки и обхватил голову руками. Пришла мысль, что вот здесь все и закончится. Сгнию под этими кустами, а мои рассыпанные ко-

сти будут топтать копыта самого разного размера и формы.

Все так же продолжая безвольно сидеть, я поднял голову и посмотрел затуманившимися глазами вперед и чуть не опрокинулся навзничь от неожиданной встречи. В трех шагах от меня, наполовину высунувшись из-за толстого ствола старой березы, стоял маленький человечек. Сидя на корточках я глядел прямо в его широкие круглые глаза цвета летнего неба. Из густых зеленых волос торчали довольно большие для его роста лопухие уши. Впрочем густая зеленая волосяная растительность покрывала не только его голову с покатым узким лбом, но и длинные руки, доходящие до его колен, и коротенькие ножки. И ведь что чудно – он хитро улыбался, скалясь блестящими, безупречно белыми зубами.

– Тебе смешно? – вырвалось из меня, – я тут уже помирать собрался, а он скалиться как лошадь!

Тут, словно до этого он всеми силами сдерживался, маленький шерстяной человечек стал кататься по земле, тихо и тонко попискивая и сжав ладонями большой круглый живот, который оказался совершенно лишенным волос.

– Да ты еще и ржешь как мерин ретивый! – громко возмутился я.

Казалось, мое восклицание заставило его согнуться пополам от хохота. Мне захотелось подобрать с земли один из разбросанных сучьев и хорошенько пройтись им по этой зеленой шерстяной спине.

"Нельзя обижать маленьких," – стал я себя успокаивать, –

"терпи, вдруг он тут не просто так".

Вдоволь накатавшись и притихнув, зеленый человечек сел на землю и поглядел на меня большими, слезящимися от смеха глазами. Я не шевелился. Он протер глаза ладонями и смешливо не отрываясь смотрел на меня.

– Нахохотался? – спокойно спросил я.

Существо кивнуло головой.

– Весело было? – снова поинтересовался я.

Зеленоволосая голова часто закивала.

– Ну, может теперь выведешь меня к друзьям? К тем, с которыми я пришел сюда? – с надеждой попросил я.

Зеленый человечек быстро вскочил на коротенькие толстые ножки и махнул мне ладонью.

– На этот раз надеюсь без шуток? Если так, то подожди, я хворост соберу. Это ведь можно сделать?

Человечек повернулся и примирительно поднял ладони кверху. Я как можно скорее собрал сучья и двинулся за быстро семенящим впереди меня низкорослым проводником. Пройдя всего ничего он остановился и ткнул пальцами в проход между деревьями, показывая направление. Я пригляделся и увидел медленно ходивших вдоль кромки леса своих друзей.

– Ну спасибо тебе, не обманул, – я обернулся, но моего проводника уже не было видно и я прокричал в глубину чащи, – все равно спасибо, скромный лесной житель!

Я сделал несколько шагов и вышел к нашей стоянке.

– Быстро ты! – воскликнул Кионд, – всего пара минут – и такая охапка!

– Ты издеваешься? – спросил я удивленно, – да я же там часа два провел!

Бадеро в изумлении присел и перестал возиться в сумке, откуда аккуратно и расчетливо доставал съестные припасы, а Колмак, стоявший на краю поляны у кромки леса с луком наготове, с удивлением в глазах обернулся, четко расслышав мое слишком громкое заявление.

– Кионд ничуть не издевается, – звонким голосом обратился он ко мне, – я сам видел как ты вошел в лес и не успел я дойти вот сюда, как ты уже появился с охапкой дров. А кого ты там в роще так громко благодарил?

Я замялся предчувствуя, что меня просто поднимут на смех услышав о том, как меня провел уморы ради какой-то зеленоволосый чудик и шумно высыпал хворост из утомленных рук.

– Сначала огонь разведем и мясо подогреем, – выручил меня мой великан-покровитель, а Колмак не дождавшись ответа отошел от нас подальше осматривая местность вокруг лагеря.

Кионд взял самые тонки и сухие ветки, добавил к ним небольшой комочек мха, поколдовал над ними кресалом и вскоре у нас был небольшой и жаркий костер. Бадеро в это время уже нанизал на тонкие прутики ломти мяса и расположил их вокруг костра, повтыкав заостренные концы веток

в сухую землю. Он достал чистый плат и разложил на нем пол круга хлеба, знатный кусок сыра и круглую флягу с водой. Кионд приложил ладони к губам и мелодично пропел какой-то птахой в сторону Колмака, тот резко обернулся и, увидев призывный взмах рукой, еще раз осмотрелся по сторонам и быстрым шагом направился к костру.

Все сели у импровизированного стола – кто на колени, кто скрестив ноги. Кионд по праву старшего промолвил густым басом молитву, в которой поблагодарил Бога за пищу и отдых, перекрестил еду и перекрестился сам. Мы все перекрестились вслед за ним и протянули руки к уже нарезанному хлебу.

Ели молча, чуть торопливо, но сохраняя некую степенность. Пришло чувство сытости и я закинул в рот еще один маленький кусочек сыра и дожевал остаток своего куса хлеба. Хотелось пить и я жалобно посмотрел на флягу с водой. До сих пор к ней никто не притронулся и я, боясь нарушить какие-либо местные, совершенно неизвестные для меня, обычаи, сидел молча, терпеливо перенося жажду. Наконец Бадеро взял в руки вожделенную мной посудину и открыл плотно подогнанную к неширокому горлышку деревянную пробку, подвязанную к емкости тонкой серой бечевкой и передал флягу Кионду. Мой друг сделал несколько глотков и передал флягу по кругу, а к моему счастью, ближайшим к нему оказался именно я. Живительная влага холодной струйкой потекла вниз к желудку. Оторвавшись от

фляги, я облизнул губы и передал воду Колмаку.

Кионд, дождавшись момента, когда жажду утолит последний из нас, снова прочитал молитву и перекрестился. Перекрестились и мы. Я уже как-то бессознательно совершал это движение рукой, абсолютно не понимая смысла действия, но и сильно не задумываясь – ведь точно так же крестился мой Артос, а значит ничего плохого в этом точно не могло быть.

– Так что там с тобой приключилось? – обратился ко мне Колмак.

– Да, расскажи нам, кто это в лесу наставил тебе столько ссадин на лицо и руки? – поддакнул Бадеро.

Кионд же лишь с хитрым прищуром молча глядел на меня. Я неловко замялся не зная с чего начать.

– Видимо просто заблудился, – промямлил я, – казалось иду в нужную сторону, даже голоса ваши как будто слышал, а потом выяснялось, что на самом деле уходил в чащу еще глубже.

– Заблудиться? Здесь? – удивленно воскликнул Колмак, – в этом березняке и малыш не заплутает!

– Вот малыш мне и помог выйти, – заявил я.

Все замолкли. Через несколько долгих биений сердца, Кионд с нескрываемым любопытством поинтересовался:

– Какой такой малыш?

– Зеленый такой, лохматый от макушки и до пяток, – ответил я в ожидании дружного хохота, – ростом едва мне до пояса и то если на цыпочки встанет.

Как ни странно, никто не хохотнул, лишь Бадеро громко хмыкнул и стал собирать остатки нашего походного обеда. Кионд потер подбородок и снова спросил:

– Значит где-то вот такой он был? – приподнял он ладонь над землей.

– Ну да, примерно, может даже чуть пониже, – ответил я.

– И весь мохнатый кроме круглого большого пуза? – продолжил вопрошать меня Кионд.

– Точно, пузо голое, – ответил я и удивленно спросил в след, – а ты откуда знаешь?

Кионд притворно по-стариковски кряхтя поднялся на ноги, стряхнул сухие листья с колен и наконец ответил мне:

– Довелось тебе повстречать ауку. А теперь быстро собираемся и в путь!

– Что за аука такой? – с нетерпением спросил я повернувшегося ко мне спиной Кионда.

– Если к ночи дойдем до болота и найдем хижину для ночевки, то расскажу все, что знаю о нем, – бросил он через плечо и взвалив сумку на спину стал медленно идти к дороге.

Я подхватил свою поклажу, провел пальцами под лямками, что бы не давили на ключицы и благодаря разыгравшемуся любопытству гораздо бодрее поплелся за Киондом.

Мы построились на подзаросшей травой дороге в привычном порядке – Кионд впереди направлял нас, а позади, зорко оглядывая окрестности и чуть отстав от общей группы, со своим небольшим охотничьим луком в полуготовности,

двигался Колмак.

Несмотря на сумасшедшую беготню по лесу с дровами в руках, я все же несколько восстановил силы, и хотя ноги продолжали гудеть, упругости в шаге прибавилось. Широченная спина Кионда колыхалась пред моими глазами из стороны в сторону задавая нужный темп нашему маршу.

Глава 6

Изрядно поредевшие холмы остались далеко позади наших спин, земля выровнялась в зеленовато-коричневую скатерть, а березки становились все ниже, приземистее и корявее.

"И что же это делается! – вертелось в голове. Монотонный и размеренно-быстрый темп нашего отряда отрезил меня от окружавшего нас мира и все мои мысли и вопросы ушли глубоко внутрь, – куда забросило меня! В каком направлении и как далеко мой дом? Где мой лучший друг и хранитель Артос и что с ним приключилось? Жив ли мой ворчливый и строгий старик?"

Мысли пчелиным роем кружили и неприятно щекотали мой разум. Где-то под ребрами снизу вдруг все накрыло ледящим вихрем от стрелой влетевшей в душу мысли, что я больше никогда не увижу родных краев.

"Да и зачем? – нашептывало мне нечто, – вспомни покрытую кровью и телами набережную, все друзья твои остались там. Лишь одному тебе невероятно повезло!"

Я зло мотнул головой отгоняя непрошеную гостью и сделал несколько глубоких вдохов освобождая грудь от внутреннего холода. Что бы меня больше не изводили подобные мысли, я попытался найти другую захватывающую тему для ума и первое, что пришло в голову, так это размышление

на тему – кто же такие эти единобожцы и почему так важно быть таковым для этих людей? Я постарался сложить в голове мозаику из того, что мне уже удалось увидеть и услышать. В принципе ничего страшного пока не выходило. На практике это оказались очень дружелюбные и порядочные люди, но при этом и не простаки какие-то – если что, то и топор со щитом в руки возьмут и отпор врагу дадут. А как же мое чтиво про "подставить другую щеку"? О любви к врагам? Может их дела расходятся с их учением? Как же много еще непонятного в этой теме.

А главное и меня к исповедующим единобожие приписали! Может и правда отец окрестил меня в младенчестве, но Артос или кто-то другой просто не успели мне про это рассказать? В любом случае надо этот вопрос изучить, что бы впоследствии не попасть впросак, а то не так перекрещусь, невпопад помолюсь и неизвестно, что со мной сделают местные.

– Кажись скоро придем! – прогрохотал Кионд, развернувшись на ходу вполоборота к нам.

Я встрепенулся и огляделся. Глубоко уйдя в размышлениях я совершенно не обратил внимания на то, что на землю надвигались сумерки. Прямо перед глазами красный диск солнца почти на половину опустился за горизонт и свет потихоньку уступал место серой мгле.

– Смотрите внимательнее по сторонам! Где-то рядом должна быть хижина, про которую говорил Хартмар, – обра-

тился к нам Кионд.

Не останавливаясь он вытягивался на цыпочках и пытался разглядеть что-то впереди.

– Только далеко от дороги не разбредайтесь! Тут можно и в болотину угодить, а потом всю ночь грязь с одежды счищать будем.

Я чуть отошел в сторону от Кионда, что бы его широкие плечи не загораживали мне обзор и стал смотреть по сторонам ища хоть что-то напоминающее жилье. Иногда приходилось все же опускать голову и глядеть себе под ноги из-за попадавшихся кочек, об одну из которых я неосторожно споткнулся и едва не растянулся поперек дороги.

– Кажись вон там виднеется что-то, – звонко проговорил Колмак и подойдя к Кионду ткнул пальцем куда-то в темноту.

Колмак остановился и, подав голову вперед, взгляделся в указанном направлении.

– И впрямь что-то есть... – тихо сказал он, – орлиный глаз у тебя!

– Скорее совиный, – устало проговорил подошедший Бадеро, – и очень надеюсь, что он нас не подвел.

Мы осторожно начали пробираться в ту сторону, куда показал Колмак и старались не сойти с дороги, которая в этом месте изгибалась крутыми петлями. На всякий случай я постукивал перед собой и по сторонам палкой, до жути боясь провалиться в вонючую трясику.

Проплутав еще с четверть часа, мы вышли к небольшой хибаре стоявшей на низком холмике. Крутые досчатые ступени крыльца вели на широкую открытую террасу, покоившуюся на толстых сваях высотой с человеческий рост. Сам дом опирался всеми четырьмя углами на гигантский плоский валун наполовину вросший в землю. Стены дома были сделаны из хорошо подогнанных, но тонких, с мужское предплечье, бревнышек. Хотя и действительно – зачем изводить хорошие толстые бревна на жилье, которым пастухи пользовались лишь в летнюю пору?

Первым входной дверью скрипнул Кионд и зашел внутрь.

– Аккуратнее шагайте, – громко вынеслось наружу, – тут на полу хлам всякий валяется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.